

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЬ
„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“.

Съ доставк. и пересылк.
на годъ 6 р., на полг. 3 р.
Отд. ММ продаются по 20 к.
●бъявл.—20 к. со стр. пет.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:
Кабинетская, д. № 12.

Личн. объясн. по вторникамъ отъ 3—5 дн.
Рукописи, доставл. безъ обознач. гонорара,
считаются безилитными.
Мелкія рукописи не сохраняются.
Телефонъ ред. № 1669.

и Искусство

1897 г. 1-й годъ изданія.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ.

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 20-го Іюля.

<p>СОДЕРЖАНИЕ: Театральные буфеты.—Гератология звука (окончаніе). Юр. Озаровскаго.—Очеркъ жизни Дуза (окончаніе). Ж. Примори.—П. М. Садовскій.—Хроника театра и искусства.—Пророкъ, разсказъ. Вл. Тихонова.—За границей.—Театральное дѣло въ Сибири. Вл. Тальзанти.—Провинц. лѣтопись.—Справочный отдѣлъ.—Объявленія.</p>	<p>№ 29.</p>	<p>Рисунки: «Принцесса Греза» 1-й актъ. Ор. рис. худож. Л. Ант—скаго. Портреты: П. М. Садовскаго (3 порт.). Горева въ роли Лира. Южина (3 портр.). Сансльникова. Литературно-драматическій отдѣлъ: «Мопсикъ», шутка Б. И. Бентовяна.</p>
---	--------------	--

За перемѣну адреса городского на иногородный и иногороднаго на городской уплачивается 60 коп., за перемѣну городского на городской и иногороднаго на иногородный — 25 коп. Деньги можно высылать почтовыми марками.

С.-Петербургъ, 20 іюля.

При введеніи казенной винной монополіи имѣлись въ виду, какъ извѣстно, не столько фискальныя, сколько общественно-исправительныя цѣли. Защитники монополіи не безъ основанія указывали на то, что главное зло заключается въ спиваніи народа, что умѣренное и равномерное употребленіе спиртных напитков не представляет опасности, но что таковая является, когда потребленіе напитков выходитъ изъ границы, поощряется всякими дозволенными и недозволенными способами и соединяется съ времяпрепровожденіемъ. Главнѣйшая задача реформы заключалась въ томъ, чтобы уничтожить кабаки и ввести въ тѣсныя границы мѣста раздробительной продажи питей. Кабакъ, гдѣ орудуетъ разбитой цѣловальникъ, являющійся сосредоточіемъ кружка постоянныхъ кабацкихъ завсегдатаевъ, — представляетъ гнѣздо заразы и разврата, и убить кабака — значитъ, наполовину спасти народъ отъ пьянства.

Насколько реформа достигла цѣли—трудно сказать, на основаніи кратковременнаго опыта. Но въ искренности одушевлявшихъ правительство намѣреній едва-ли можно сомнѣваться. Вотъ почему, мы думаемъ, что не лишне будетъ обратить вниманіе

правительственныхъ сферъ на самый гнусный и растлѣнный видъ кабака—на кабака театральнаго.

Логической, такъ сказать, вещественной связи между буфетомъ, торгующимъ спиртными напитками, и театральнымъ предпріятіемъ, разумѣется, не существуетъ. Съ одинаковымъ основаніемъ и одинаковымъ правомъ, буфетъ можно содержать при читальняхъ, художественныхъ выставкахъ, залахъ публичныхъ лекцій, собраніяхъ научныхъ, литературныхъ и артистическихъ. Если буфетъ при этихъ учрежденіяхъ не содержится, то, конечно, потому, что учредители руководствуются не задачами наживы, а стремятся, поскольку возможно, къ достиженію нѣкоторыхъ идеальныхъ цѣлей. Въ театральномъ дѣлѣ, находящемся на откупѣ у промышленниковъ самаго низкаго сорта, разумѣется, наблюдается иное. Буфетъ является главнымъ источникомъ дохода, театральное-же предпріятіе — только придаткомъ. Передаютъ, какъ фактъ, что въ одномъ изъ петербургскихъ лѣтнихъ театровъ (нынѣ уже не существующемъ) антрепренеръ имѣлъ свыше 40 руб. ежедневнаго дохода на одномъ «недолгомъ», т. е. на неполныхъ рюмкахъ водки, которыя подавались за полныя. Тутъ же давались спектакля, даже драматическіе, едва ли, надо полагать, «съ переливомъ».

Насъ не удивляютъ театральные буфеты, торгующіе спиртными напитками, потому что мы къ нимъ привыкли. За границею, вѣроятно, наоборотъ, удивились бы, если бы при театрѣ была устроена буфетная стойка. Общаго между искусствомъ и водкою нѣтъ ничего, и если еще можно понять буфетъ въ саду съ лѣтнимъ театральнымъ помѣщеніемъ, то совсѣмъ необъяснимо присутствіе трактира въ постоянномъ зимнемъ театрѣ. Послѣдствія такого сочетанія троякаго рода. Во-первыхъ, со-

держатели буфетовъ, трактирщики, рестораторы и кабацкини являются, благодаря этому союзу буфета и театра, главными театральными предпринимателями и держатъ въ своихъ рукахъ судьбы театрального дѣла, что, естественно, отражается на формахъ, содержаніи и направленіи театрального искусства. Во-вторыхъ, известная часть публики очень рѣдко воспринимаетъ художественныя впечатлѣнія спектакля въ нормальномъ настроеніи духа, но къ художественнымъ эмоціямъ присоединяетъ еще возбужденіе, получаемое отъ спиртныхъ напитковъ. Наконецъ, въ-третьихъ, буфеты, въ качествѣ постоянного учрежденія при театрѣ, растлвляющимъ образомъ дѣйствуетъ на актеровъ, оставляющихъ въ немъ, во время репетицій, добрую половину получаемого ими содержанія.

Хотя послѣднее обстоятельство, съ общественной точки зрѣнія, не представляется особенно значительнымъ, но въ тѣсныхъ предѣлахъ, для служителей сцены, это вопросъ существенный и очень серьезный. Въ провинціальномъ театрѣ буфеты, содержимыя обыкновенно самимъ антрепренеромъ, является, помимо прочаго, всѣ черты такъ называемой «фабричной лавки», и пользование кредитомъ сопровождается обычными злоупотребленіями упоминаемой изслѣдователями фабричнаго быта „trac-system“, съ тою разницею, что въ эту область никогда не проникаетъ лучъ фабричной инспекціи.

Всѣ выставленныя нами гибельныя послѣдствія близости буфета къ театру столь очевидны, что мы считаемъ излишнимъ распространяться и развивать нашу мысль въ подробностяхъ. Мы обращаемся къ тѣмъ правительственнымъ учрежденіямъ, которыя, съ введеніемъ казенной винной монополіи, получили столь значительное вліяніе на общественную нравственность и имѣютъ надлежащія средства для борьбы съ народнымъ пьянствомъ. Кабакъ, осужденный реформою, долженъ ли возродиться въ формѣ публичныхъ и народныхъ увеселеній еще съ большею силою? Не вытекаетъ ли изъ основныхъ положеній винной реформы полное отдѣленіе мѣста, вѣдающаго раздробительную продажу питей, отъ всякихъ другихъ учрежденій, содѣйствующихъ неумѣренному погрѣбленію спиртныхъ напитковъ? Если кабакъ осужденъ именно потому, что онъ представляетъ собою какъ бы клубъ алкоголиковъ, то что сказать о приманкахъ художественнаго характера, вводимыхъ для пушчаго потребленія спиртныхъ напитковъ?

Въ «народныхъ театрахъ» торговли спиртными напитками нѣтъ, хотя самое понятіе «народнаго театра» понимается слишкомъ ограничительно. Чѣмъ не народны театры Тумнакова, Эрмитажа, «Новой Баваріи», «Америки» и т. д? Чѣмъ не народенъ Зоологическій садъ или садъ Неметти? Если «народность» возбуждаетъ безконечныя споры въ теоретической чистотѣ этого понятія, то не менѣе трудно установить въ смѣшанной толпѣ людей элементъ народный, въ отличіе отъ элемента ненароднаго. Наконецъ, развѣ въ этомъ суть дѣла? То и дѣло, по однимъ разбирательствамъ у мировыхъ судей и полицейскимъ протоколамъ, можно судить, что и въ ненародныхъ садахъ и театрахъ скандалничаютъ и толнятся пьяные люди, и думается, интересахъ общественной нравственности, рѣшително безразлично, кто пьянъ: коллежскій регистраторъ Лука Хлоновъ или Иванъ, мужикъ изъ

Вопросъ ставится совершенно ясно: при театрахъ какъ и при библіотекахъ, музеяхъ, выставкахъ, буфетовъ со спиртными напитками не поля

Скорѣе могутъ быть—ибо таковы печальныя нравы нашей общественной среды—трактиры съ музыкой, пѣніемъ и другого рода представленіями. Тогда, по крайней мѣрѣ, не будутъ смѣшивать понятій. Театръ останется театромъ, а кабакъ— кабакомъ. Всегда при трактирахъ существовали хоры пѣвицъ и плясавицъ, но никто ихъ не считалъ артистками, а содержателей никто не чествовалъ бенедиктинцами. Тогда иные, можетъ быть, постыдились бы выступать открыто въ роли трактирщиковъ, а иные были бы принуждены въ известномъ смыслѣ облагородить свои учрежденія. Тогда въ театрѣ приходили бы ради спектакля, и не все равно было бы, кто, что и какъ играетъ.

Починъ должнъ, разумѣется, сдѣлать Императорскіе театры. Совершенно неизвѣстно, для чего содержатся при Императорскихъ театрахъ буфеты со спиртными напитками. Обыкновенно считается на то, что у насъ климатъ суровый, и невозможно требовать, чтобы въ антрактѣ зрители сбѣгали въ трактиръ выпить рюмку водки. Совершенно справедливо, но для чего такая заботливость о зрителѣ, который получасу не можетъ выидѣть безъ рюмки водки—непонятно. Буфетная стойка придаетъ театральному учрежденію неподобающій видъ, а Императорскому театру тѣмъ болѣе. Не въ этой ли нашей синхронности къ потребленію спиртныхъ напитковъ лежитъ весь корень зла? Ибо «изгородь» смотритъ на тѣхъ, кто стоитъ паверху, что горды на горѣ, и признаться, мы больше вѣримъ въ спасительную силу культурнаго примѣра, нежели въ возможность обновленія культурныхъ началъ соками народной «молодежи».

Тератологія звука.

(Окончаніе *).

Неправильность въ произношеніи плавнаго *р* является либо въ формѣ полного отсутствія его въ алфавитѣ нѣкоторыхъ лицъ, когда, напримѣръ, такія слова, какъ: *роза, кофа, моноръ*—произносятся: *оза, каля, тоно'ъ*, или же—въ видѣ превращенія нормальнаго звука въ тотъ вибрирующий и почти горловой, которымъ обуславливается такъ называемая *картивость* или *грасифованье* въ рѣчи. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, искаженіе звука объясняется, по нашему мнѣнію, сравнительно высокою постановкой у нѣкоторыхъ субъектовъ костянаго нѣба,—постановкой, не позволяющей языку касаться нѣба во время прохожденія голосовой струи *).

Соответственное такому анатомическому несовершенству упрощеніе заключается въ томъ, что въ

*) См. № 28.

*) Другіе изслѣдователи причину разсматриваемаго явления видятъ въ сравнительно *короткости языка*, мѣшающей ему занять опредѣленное мѣсто около костянаго нѣба. Суть обоихъ мнѣній одинакова: отсутствіе возможности для языка паходиться въ моментъ образованія звука около костянаго нѣба; но мое мнѣніе все же мнѣ кажется болѣе справедливымъ, такъ какъ оно объясняетъ доступность и для картаващаго вполне правильной артикуляціи звуковъ, однаково съ *р* требующихъ достаточно развитаго ко своимъ размѣрамъ языка (звукъ *д* и *т*, напримѣръ). Едва-ли такое объясненіе могутъ дать защитники противнаго мнѣнія, разъ неправильность въ артикуляціи *р* они видятъ въ сравнительно короткости языка.

словахъ съ звукомъ *р*, подлежащихъ произнесению, звуки замѣняются сначала звукомъ *т*, затѣмъ *д* и наконецъ, *др*. Основано это упражненіе на томъ соображеніи, что два послѣдніе звука при своемъ произнесеніи требуютъ наибольшаго сравнительно съ другими отгиженія языка впередъ и тамъ какъ нельзя лучше подготавливаютъ устѣхъ произнесенію картавшаго субъектомъ звука *р*. Стало бытъ прежде, чѣмъ произнести слово, положимъ, *роза*, такой субъектъ долженъ сказать: *тоза*, затѣмъ—*доза*, *дроза* и только послѣ того уже—*роза*.

Прочіи условія этого упражненія, извѣстнаго въ дикціи подъ именемъ *упражненія Тальма* (знаменитый трагическій актеръ Франціи начала XIX столѣтія, впервые примѣнившій это упражненіе), тѣ же, что и предыдущаго.

Разсмотримъ теперь неправильность въ произношеніи звуковъ: *з*, *с* и *ц*, (такъ называемое *пришепываніе*, заключающееся въ томъ, что нормальные звуки замѣняются шипящими: *ж*, *ш* и *ч*, такъ, напримѣръ, слова: *золото*, *садъ*, *цѣлый* произносятся: *жолото*, *шадъ*, *чѣлый*...) и—*ж*, *ч*, *ш* и *щ* (такъ называемое *слюсюканье*, при которомъ шипящія звуки, наоборотъ, обращаются въ соответственныя свистящія: *з*, *ц*, *с* и *щ* (*щ* = *шч*), такъ вмѣсто: *жарко* говорятъ: *зарко*, вмѣсто: *четыре*—*цетыре*, вмѣсто: *шуба*—*суба*, вмѣсто: *щетка*—*сцетка* и т. д.).

И пришепыванье, и слюсюканье прореходитъ, какъ и нѣкоторые другіе виды косноязычія, отъ причинъ чисто-органическаго свойства: всѣ поименованные здѣсь семь звуковъ обуславливаются въ нормальной своей артикуляціи *гибкостью* и *подвижностью* языка; но не у всѣхъ людей языкъ отличается такою особенностью: у однихъ, — слюсюкающихъ, онъ настолько тогъ, объемистъ и вѣдѣтвѣе того негибокъ и малоподвиженъ, а у другихъ—пришепывающихъ—къ тому же еще и коротокъ, что произнесеніе такихъ звуковъ, какъ шипящія и свистящія,—звуковъ, образующихся прохожденіемъ струи выдыхаемаго воздуха черезъ промежутокъ между концомъ языка и верхней (*ж*, *ч*, *ш*, *щ*) или передне-верхней (*з*, *с*, *ц*) частью костяного нѣба,—становится для нихъ дѣломъ почти невозможнымъ. Какъ они ни стараются привести свой языкъ въ надлежащее положеніе,—толстый и непоротливый, онъ слушается плохо и продолжаетъ своимъ концомъ упираться или въ заднюю поверхность зубовъ верхней челюсти, въ случаѣ если онъ достаточно длиненъ, какъ у слюсюкающихъ (положеніе языка при образованіи свистящихъ звуковъ, чѣмъ и объясняется прореходящее при этомъ слюсюканье шипящихъ), — или же въ верхнюю часть нѣба, если языкъ коротокъ, какъ у пришепывающихъ (положеніе языка при образованіи шипящихъ звуковъ вызываетъ въ свою очередь пришепываніе свистящихъ).

Устранить такое неправильное явленіе въ рѣчи можно только однимъ—самымъ энергическимъ стараніемъ со стороны лица, рѣчь котораго представляеть подобное явленіе, заставить свой языкъ стать болѣе подвижнымъ и гибкимъ. Этому же можетъ очень помочь то диксическое упражненіе, которое называется *скороговоркою* и которое было разсмотрѣно нами на страницахъ настоящаго изданія въ статьѣ: „*Постановка звука и голоса*“ *).

Русское произношеніе различаетъ, какъ извѣстно, два отгиженія въ характерѣ большинства согласныхъ: *твердый* и *мягкій* **). Именно звуки: *б*, *в*, *г*, *д*,

з, *к*, *л*, *м*, *н*, *п*, *р*, *с*, *т*, *ф* и *х* то дѣло представляютъ тотъ или иной отгижокъ произношенія и являются, стало-бытъ, то въ видѣ: *бѣ*, *вѣ*, *фѣ*, *хѣ*, то въ видѣ: *бь*, *вь*, *фь*, *хь*, причемъ выборъ надлежащаго отгиженія въ произношеніи согласнаго не затрудняетъ говорящаго, такъ какъ этотъ отгижокъ цѣликомъ обуславливается характеромъ гласнаго, которому данный согласный предшествуетъ (при склоненіи нѣсколькихъ согласныхъ, первые изъ нихъ принимаютъ отгижокъ послѣдняго передъ гласнымъ); звуки же: *ж*, *ц* и *ш*,—съ одной стороны, и *ч* и *щ*,— съ другой, различаютъ лишь одинъ отгижокъ: первые три—исключительно твердый, хотя бы они предшествовали и мягкому даже гласному (напримѣръ, слова: *жизнь*, *цѣна*, *шлыло*, мы артикулируемъ, не смотря на ихъ транскрипцію, не иначе какъ: *жызнь*, *цѣна*, *шыло*); послѣдніе же два (*ч* и *щ*):—исключительно мягкій, хотя бы они предшествовали и твердому даже гласному (напримѣръ, слова: *чай*, *щадить* мы артикулируемъ, не смотря на ихъ транскрипцію, не иначе, какъ: *чяй*, *щядить*).

Всѣ звуки послѣдней категоріи, т. е. различающіе одинъ какой-либо отгижокъ произношенія, часто затрудняютъ говорящаго и ввиду указаннаго несоответствія между способомъ произношенія и ихъ транскрипціей, вовлекаютъ говорящаго въ ошибку. Особенно грѣшатъ въ этомъ отношеніи наши южане, которые то и дѣло говорятъ: *жизнь* (именно: *жызнь*), *молчать* (именно: *молчать*), чувство (именно: *чувство*) и т. д. Прореходитъ это не отъ какихъ-либо органическихъ причинъ, а лишь въ силу особенностей мѣстнаго выговора, который требуетъ, очевидно, совершенно обратныхъ великорусскому говору отгижковъ въ произношеніи разсматриваемыхъ согласныхъ.

Какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, для лицъ съ подобными тератологическими явленіями рѣчи крайне необходимы надлежащія разъясненія и твердое знаніе особенностей произношенія каждаго изъ этихъ согласныхъ.

Такие недостатки рѣчи, какъ *заканіе*, *заклѣбываніе*, *згусавость* и пр. являются слѣдствіемъ тѣхъ именно анатомическихъ аномалій въ устройствѣ звуковаго аппарата говорящаго или же того патологическаго состоянія его, о которыхъ мы упоминали въ началѣ настоящаго очерка. Во всякомъ случаѣ изученіе этихъ недостатковъ въ область диксической тератологіи не входитъ.

То же нужно сказать о томъ въ высшей степени уродливомъ явленіи рѣчи, которое называется *викариатствомъ* звуковъ. Заключается оно, какъ показываетъ и самое названіе, въ немотивированномъ замѣщеніи однихъ звуковъ другими (обыкновенно еродными, т. е. наприм., голосовыхъ безголосыми однихъ согласныхъ данной фонетической группы другими согласными той же группы и пр.); говоримъ въ *мотивированномъ*, потому что замѣна однихъ звуковъ другими собственно сама по себѣ въ извѣстныхъ опредѣленныхъ случаяхъ *унобленія* или *ассимиляціи* согласныхъ, напримѣръ,) вполне присуща русскому произношенію и стало быть, даже обязательна въ правильной рѣчи *), но дѣло въ томъ, что встрѣчаются лица, обращающія одни звуки въ другіе безъ всякаго къ тому основанія и въ силу лишь привычки или какихъ-либо иныхъ безсознательныхъ причинъ... Такъ можно иногда слышать, какъ такая слова, какъ: *буря*, *завѣдывать*, *годъ*; *горло*, *какой*,

*) См. „Театръ и Искусство“—№ 24 наст. года.

***) См. объ этомъ въ „Филологическіе розысканія“ академика Грота, т. II—стр. 16, Сиб. 1885 г.

*) Объ этомъ см.: „Основы правильнаго русскаго произношенія при чтеніи“—„Вопросы выразительнаго чтенія“—стр. 14—34. Сиб. 1896 г.

пугать и пр. произносятся: *пуря, сафрытыфрантъ, тодъ; дорло, татой, пуданъ* и пр.

Одна часть этого рода диалектических неправильностей, это именно грубая явленія, когда голосовой звукъ замѣняется безголосымъ, еще можетъ быть устранена указаніемъ на неумѣтность подобнаго рода явленія и внимательнымъ отношеніемъ говорящаго къ свойствамъ своего произношенія, но осталая часть названныхъ неправильностей некорректируется очень трудно и диалектическая терминологія не располагаетъ пока соответственными для того выраженіями. Впрочемъ, было бы заблужденіемъ особенно сожалѣть объ этомъ, такъ какъ терминологія есть отдѣлъ дшши, діаксія составляетъ часть декламации а послѣдняя не можетъ же, въ самомъ дѣлѣ, открывать поприща для лицъ, въ рѣчи которыхъ замѣчаются такія рѣзко означенныя фонетическія несовершенства, чтобы не сказать уродства, какъ произвольная замѣна однихъ звуковъ другими...

Выработка, школа въ искусствѣ играетъ огромную роль; но если у обращающагося къ нимъ нѣтъ необходимѣйшихъ ресурсовъ (какъ на примѣръ, мало-мальски организованнаго звука у будущаго декламатора или актера), для усвоенія даже чего-вѣйшней, технической стороны дѣла,—то не вина, конечно, искусства, что двери его для подобнаго субъекта останутся навсегда закрытыми...

Юр. Озаровскій.

Очеркъ жизни и дѣятельности Э. Дузы.

Ж. П р и м о р и.

(Окончаніе *).

„Надо долго разспрашивать Дузу, говоритъ Матильда Серао, чтобы заставить ее подѣлиться своими воспоминаніями о блестящихъ поѣздкахъ въ Россію, въ Америку, въ Германію и въ Англію, чтобы узнать отъ нея какія либо подробности. Дуза не говоритъ ничего объ этомъ.“

Дуза была три раза въ Америкѣ. Въ Нью-Йоркѣ, о которомъ, въ концѣ концовъ, у нея остались самыя лучшія воспоминанія — она много вытерпѣла отъ назойливости репортеровъ. Какъ только она высадилась на берегъ, они атаковали ее. Но она несообщительна по природѣ, и не смотря на ихъ любопытство, она еще болѣе ушла въ свою раковинку.

Утомленная путешествіемъ и вся поглощенная своимъ дѣломъ, она уклонялась отъ интервью, возстановивъ этимъ противъ себя всю прессу.

Ея импрессио, естественно, была этимъ возбуждена.

— Ваше обращеніе съ журналистами мнѣ стоитъ сотню тысячъ франковъ, говоритъ онъ, — нѣсколькими любезными словами вы могли бы ихъ покорить, а вы ихъ возетановили; дѣло погублено.

Но Дуза не могла или не хотѣла согласиться съ его доводами.

— Я отказываюсь понимать, отвѣтила она, — почему я не имѣю права быть свободной вѣт театра.

Въ это время взошла мистрисъ Г., извѣстная писательница, пользующаяся большимъ авторитетомъ.

— Простите меня, сударыня, обратилась къ ней Дуза,—но я иностранка и не знакома съ обычаями вашей страны. Меня обвиняютъ въ недостаткѣ уваженія къ прессѣ, потому что я не могу принимать всѣхъ журналистовъ. Я обращаюсь ко всѣмъ женщинамъ: не откажите передать имъ мое слово: наши интересы въ этомъ случаѣ солидарны и я разсчитываю, что черезъ васъ мой протестъ будетъ сообщенъ вашимъ соотечественникамъ. Спросите ихъ, почему простая работница имѣетъ право отдыхать ночью, а я, работая вѣчеромъ, не могу пользоваться свободою дневнаго отдыха? Потому что, по моему, это трудъ и очень благодарный трудъ—отвѣчать незнакомымъ людямъ, пріѣзжающимъ подъ тѣмъ предлогомъ, что актриса принадлежитъ публикѣ, и эта послѣдняя имѣетъ право знать кому она будетъ аплодировать или свистать. Мнѣ кажется, что напротивъ публика не должна знать частной жизни актрисы; не слѣдуетъ показывать зрителямъ устройство игрушки, которая ихъ забавляетъ.

Черезъ день, въ субботу, былъ утренній спектакль, данный замѣвъ вечерняго въ воскресенье, когда театръ бываетъ закрытъ. Статья была прочитана, и воззваніе къ американкамъ достигло своей цѣли: протестъ наши законнымъ, и женщины съѣхались въ громадномъ числѣ на спектакль и встрѣтили Маргариту Готье восторженными криками. Три первыхъ представленія дали въ общемъ всего 700 долларовъ, а этотъ утренникъ одинъ принесъ въ кассу три тысячи.

Съ тѣхъ поръ для Дузы наступилъ полный триумфъ. Въ Нью-Йоркѣ съ нея былъ сдѣланъ портретъ Эдуардо Горджони, ея соотечественникомъ—сыномъ знаменитаго флорентинскаго живописца. Этотъ портретъ въ настоящее время выставленъ въ салонѣ Елсейскаго поля. Въ немъ преобладаютъ цвѣта опала: художникъ какъ бы пожелалъ символизировать ея талантъ, отражающій малѣйшіе оттѣнки человеческого сердца. Она сидитъ, погруженная въ глубокую задумчивость, изящная италіанская головка опирается на худенькую руку, и взоръ мечтательно устремленъ въ неизвѣстную даль...

Четыре или пять лѣтъ тому назадъ, будучи въ Лондонѣ, Дуза была приглашена королевой Викторіей сыграть спектакль въ Виндзорѣ. Какую пьесу представить въ присутствіи маститой королевы, чтобы не задѣть британской морали? Прицесса Дуза предложила сыграть пятый актъ „La dame aux Camelias“, и на возраженія прибавила, шутя:

— Мы скажемъ, что изображена невинная молодая дѣвушка, у которой женихъ Арманъ, въ Индіи, къ сожалѣнію, онъ пріѣзжаетъ слишкомъ поздно къ свадьбѣ, такъ что она умираетъ у него на рукахъ.

Этотъ остроумный проектъ можетъ быть и осуществился бы. Впрочемъ сама королева разрѣшила затрудненіе, приказавъ сказать, что она желаетъ видѣть что нибудь веселое: „Some thing cheerful“.

*) См. № 28.

Дузэ поѣхала въ Виндзоръ играть la Locandiera.

Спектакль былъ данъ не въ зрительномъ залѣ, а въ бѣломъ салонѣ,—честь, которой удостоиваются только не многія знаменитости. Въ этой изысченной пещи артистка могла выказать только достоинства грации, но она такъ вѣрно взяла тонъ роли и согласно италіанскимъ традиціямъ, такъ мило обращалась къ публикѣ, что королева, хотя и не совсемъ понимая всю прелесть діалоговъ, осталась весьма довольна естественностью игры и улыбалась съ первыхъ же сценъ. По окончаніи спектакля, королева приказала представить ей артистку, умѣвшую ее такъ очаровать. Въ своемъ родѣ это былъ апоэозъ фееріи—этотъ полукругъ принцессы и дамъ, въ богатыхъ туалетахъ, окружавшихъ старую королеву, похожую на добрую фею, которая, опираясь на магическій жезлъ, приветливо разспрашивала хорошенькую Локандьеру. Артистка по поремѣнла костюма и была въ розовомъ платьѣ въ кружевномъ корсажѣ и прозрачной кофимѣ завязанной чернымъ бархатнымъ узломъ. Смущенная присутствіемъ королевы, она тербала свой бѣлый передникъ и боясь погрѣшить передъ этикетомъ, сдѣлала лишний реверансъ.

Королева, чтобы ее ободрить и показать, что она находится въ дружеской странѣ, сказала ей милое слово:

— Вы знаете мою дочь Викторію... Она мнѣ много говорила о васъ.

Дузэ, сохранившая простую и шаловливую душу Мирандоллины, такъ же, какъ и ея костюмъ, думала про себя:

— „Э! э! моя милая, ты можешь, полагаю, гордиться, имѣя недурныя знакомства!“

„...Вы меня знали, писала Дузэ одному изъ друзей,—въ такъ называемый, счастливый періодъ моей жизни, но я думаю, что не настолько умѣю скрывать, чтобы вы не поняли, что я нѣкогда не искала на сценѣ успѣха, а только убѣжища. Теперь пасталъ часъ возмездія, часъ награды, часъ жатвы, а я готовлюсь вернуться къ себѣ. Я работала годы и годы—вою мою молодость—какъ тому и слѣдовало быть; ну, а теперь великій отдыхъ, я его жажду. Я заработала на что жить, я этимъ довольствуюсь и черезъ три мѣсяца кончаю свою ежегодную работу, очень трудную.

„У меня величайшее богатство, заключающееся въ томъ, что я не ищу богатства.

„Я устроила себѣ маленькое убѣжище съ выбѣленными стѣнами изъ штукатурки въ верхнемъ этажѣ стараго дома въ Венеціи, подъ крышею, съ большимъ, очень большимъ окномъ, откуда можно обозрѣвать весь городъ. Туда я удалюсь.

„Осень тиха и спокойна и въ природѣ, и въ моей душѣ.“

Это письмо она совершенно искренно могла бы писать въ концѣ каждаго сезона. Съ тѣхъ поръ, какъ она наѣхала успѣхъ—у нея одна мечта: покинуть сцену, на которой она, по ея убѣжденію, выступаетъ въ послѣдній разъ, не влѣдствіи отвращенія къ сценѣ, но потому, что она хочетъ наслаждаться независимостью, достигнутою упорнымъ трудомъ и настоящимъ счастьемъ такъ, какъ она его понимаетъ.

«Принцеса Греза» 1-й актъ.

Ориг. рисун. худ. Л. Ан-скаго.

Провъ Михайловичъ Садовскій.

Въ среду, 16 июля, исполнилось 25 лѣтъ со дня смерти Прова Михайловича Садовскаго. Имя покойнаго „тѣни убѣжить“, и съ увѣренностью можно сказать, долго будетъ въ памяти у всѣхъ интересующихся исторіей родного искусства. Имя Садовскаго связано съ золотымъ временемъ московскаго Малаго театра. Тогда тамъ подвизались такіе крупныя таланты, какъ Щепкинъ, Шумскій, Самаринъ, Живокинъ и наконецъ, Садовскій. Кто изъ этихъ гигантовъ искусства былъ выше, чей талантъ былъ ярче и самобытнѣе — вопросъ едва ли не праздный: каждый велкъ въ своемъ родѣ, и каждый имѣетъ право на безсмертіе. Но въ Садовскомъ было нѣчто особенно для насъ дорогое — это нераздѣльная связь съ великимъ нашимъ драматургомъ Островскимъ, идеальнымъ толкователемъ и вдохновителемъ котораго онъ былъ. Самобытный талантъ Садовскаго, органически связанный съ русскою жизнью, нуждался для развитія своихъ силъ въ подходящемъ матеріалѣ изъ русской дѣйствительности и прозябалъ почти незамѣтно на всякой водевильной дребедени, на передѣлкахъ съ

наго царства, былъ лучшимъ посредникомъ между публикою и драматургомъ, и безъ сомнѣній не мало способствовалъ распространенію интереса къ Островскому. Безъ всякаго сомнѣнія гениальный толкователь должнъ былъ имѣть и непосредственное влияние на писателя, съ которымъ былъ въ очень близкихъ отношеніяхъ, ибо тонкій художникъ и глубокой аналитикъ, Садовскій такъ-же хорошо какъ и Островскій, зналъ то „темное царство“, образы котораго яркимъ лучемъ озарили русскую литературу. Садовскій выросъ среди „темнаго царства“. Отсюда его служилъ по откупамъ въ маленькомъ уѣздномъ городѣ Ливнахъ: здѣсь даровитой впечатлительной натурѣ Проши приходилось наблюдать не мало типовъ, которыми онъ потомъ и пользовался при созданіи своихъ образовъ. Вотъ почему, образы, созданныя имъ и Любимъ Торцовъ, Красновъ, Подхалюзинъ и Шалагинъ такъ жизненны, правдивы, вотъ почему, они выходили у него такими жалостливыми, достойными, несмотря на грубость и заскорузлость ихъ дѣйствій.

Въ Ливнахъ не долго пролежалъ Садовскій. Смерть отца, — Садовскому было только десять лѣтъ, — подорвала средства семьи, и мальчикъ былъ отданъ на воспитанію къ брату своей матери, Г. В. Садовскому. Здѣсь его ожидала совершенно другая обстановка: дядя буду-

П. М. Садовскій

Въ роли Любима Торцова.

Въ роли Расплюса.

французскаго, гдѣ русской дѣйствительности не было слѣда. Островскій создалъ Садовскаго, доставивъ ему возможность развернуться, и въ свою очередь Садовскій идеально воспроизводя героевъ тем-

наго знаменитаго артиста былъ провинціальный актеръ, впервые познакомившій Садовскаго со сценой, съ условіями артистической жизни, со всѣми пріятными и отталкивающими сторонами

прежнего быта провинціальныхъ актеровъ. Фамилію своего дяди и избралъ Садовскій при выступленіи на сцену какъ бы для того, чтобы, при посредствѣ своего оригинальнаго таланта, покрыть ее славою. Его театральнѣй дебютъ произошелъ при обстоятельствахъ, напоминающихъ первые сценическіе опыты нѣкоторыхъ иностранныхъ знаменитыхъ артистовъ. Онъ поступилъ на сцену противъ воли своихъ родныхъ. Отдалный дядей въ обученіе къ архитектору, Садовскій улучилъ моментъ, когда дядя отлучился надолго, и подишалъ коптракти съ однимъ провинціальнымъ антрепренеромъ. Первый дебютъ состоялся въ Тулѣ; юный артистъ (ему только-что минуло 14 лѣтъ) выступилъ въ переводномъ французскомъ водевилѣ. Повидимому, какъ въ этомъ представленіи, такъ и въ слѣдующихъ, Садовскій имѣлъ успѣхъ, по крайней мѣрѣ ему дали возможность выступить во многихъ роляхъ, и послѣ года стараній, благодарный антрепренеръ подарилъ ему рубль! Лямку провинціального актера Садовскому пришлось тянуть сравнительно недолго. Знакомство съ Щепкиными и Живокини заставило его подумать о болѣе широкой аренѣ для приложенія своихъ силъ. Послѣ дебюта въ театральномъ школѣ онъ былъ принятъ на московскую казенную сцену и въ 1839 году впервые появился на подмосткахъ Большого театра въ роли Жако Бюжу въ водевилѣ „Любовное зелье или Цирюльничъ-стихотворецъ“.

Московская сцена переживала въ то время переходное время; московскія публика уживалась еще рудами Погавцева. Естественно, что Садовскому, говорившему языкомъ жизни, и при томъ русской жизни, не гдѣ было развернуться... Онъ не разъ собирався бросить сцену, бѣжать въ провинцію... Въ „Воспоминаніяхъ о П. М. Садовскомъ“ бывшего наблюдателя за сценою московскаго Малаго театра С. П. Соловьева (Русскій Архивъ, 1873 г., № 2-й), разсказывается о мучительномъ душевномъ состояніи, въ которомъ находился Садовскій послѣ поступленія на сцену. Отсутствие ролей, соотвѣтствовавшихъ его таланту, обязательное участіе въ ничтожныхъ водевиляхъ, безнадежныя перспективы будущаго до такой степени угнетали Садовскаго, что онъ выражалъ желаніе вновь попытаться въ мытарства кочевой жизни провинціального актера, лишь бы имѣлъ возможность выступать въ роляхъ, которыя хотя сколько-нибудь отвѣчали-бы размѣрамъ и свойствамъ его таланта. Однако, онъ не ушелъ въ провинцію, и дальнѣйшіе его шаги на московской сценѣ ознаменовались рядомъ успѣховъ, ставшихъ особенно шумными, когда въ репертуарѣ Малаго театра видную роль заняли пьесы Островскаго.

Москва, да и не одна Москва а вся театральная Россія обожала Садовскаго. Онъ былъ въ Москвѣ популярнѣйшимъ человѣкомъ. Еще и теперь, спустя 25 лѣтъ послѣ смерти его, вы можете найти въ любой лавчонкѣ букиниста въ Москвѣ портреты Садовскаго, и не въ одной купеческой семьѣ портреты и фотографіи Прова занимаютъ почетное мѣсто. За успѣхами Садовскаго на сценѣ слѣдили съ восторгомъ и трепетомъ, видя въ немъ представителя „русскаго національнаго искусства“. Поклоненіе Садовскому доходило до того, что ему даже ставили въ заслугу отсутствіе школы. „Въ Садовскомъ таланту больше, чѣмъ въ Щепкинѣ, говоритъ А. Б. Стрѣвъ. (Рус. Ст. 1877 № 11). Въ Щепкинѣ есть много рутинъ, школы и слѣдовательно больше или меньше наростовъ... Въ Садовскомъ — натура, правда, въ настоящемъ художественномъ осуществленіи“.

Нужно одать справедливость московской печати:

она тепло помпнула скорбную годовщину. Петербургъ-же, конечно, остался вѣренъ себѣ и въ этомъ отношеніи. Въ одной-двухъ газетахъ появились неболышия замѣтки, посвященныя памяти выдающагося русскаго художника. Большинство газетъ ограничились нѣсколькими строками... Оно и понятно: вѣдь, это такъ старо, и Островскій, и всѣ эти мастера жизни и правды!..

ХРОНИКА

театра и искусства.

Намъ пишутъ изъ Москвы. 16 іюля, на Пятницкомъ кладбищѣ происходило чествованіе памяти Прова Михайловича Садовскаго. На сегодняшнемъ чествованіи ясно сказалося полнѣйшее равнодушіе москвичей къ памяти лучшихъ дѣятелей родного театра.

Когда я вѣхалъ на кладбище, то былъ увѣренъ, что встрѣчу цѣлую толпу публики, артистовъ и представителей печати. Но, кромѣ родныхъ покойнаго на кладбищѣ были: М. В. Лентовскій, управляющій бюро театральнаго общества — А. А. Фадѣевъ, помощникъ его — И. О. Пальминъ, артисты Малаго театра — С. О. Лазаревъ, В. В. Лазаревъ, два-три провинціальныхъ актера — и больше никого. Такъ чествовали память незабвеннаго художника П. М. Садовскаго, служившаго украшеніемъ Московской сцены. Обидно и горько становится за публику, забывшую своего любимца, которымъ четверть вѣка назадъ она такъ гордилась. Досадно за представителей печати, которые на этомъ чествованіи блистали своимъ отсутствіемъ, а еще досаднѣе за гг. артистовъ.

Съ тяжелымъ чувствомъ покинулъ я кладбище и въ сотый разъ приплылъ къ памяти слова Гамлета: „Человѣкъ — что быльница, скорошникъ — позабытъ“.

* * *

Красносельскій театр. Репертуаръ красносельскихъ спектаклей рѣзко отличается отъ зимняго репертуара казенныхъ театровъ. Въ Красносельскомъ театрѣ, по традиціямъ, ставятся исключительно легкія комедіи, фарсы и водевили и преимущественно изъ числа тѣхъ, которые совсѣмъ не идутъ на сценѣ Александринскаго театра. Участвующимъ въ этихъ спектакляхъ артистамъ очень рѣдко приходится играть уже игранныя ими роли, и потому почти каждый спектакль, для достиженія вышнѣго успѣха, требуетъ и тщательной выучки ролей, и значительнаго количества репетицій. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что большая часть пьесъ красносельскаго репертуара разучивается артистами только на *одномъ* разѣ. Поставленная для втораго спектакля комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ г. Мансфельда «Разрушеніе Помпеи» была разыграна съ полнымъ ансамблемъ. Заключительныя двѣ сцены втораго акта и весь третій актъ вызвали въ публикѣ неумолкающій смѣхъ и непрерывные дружные аплодисменты. Конечно, этотъ шумный успѣхъ нужно приписать не глупой комедіи, но прекраснымъ ея исполнителямъ и опытной режиссерской рукѣ г. Карнова. Изъ исполнителей же наибольшій успѣхъ выцалъ на долю г. Сапонова (Вавловъ), а также г-жи Стрѣльской (Марья Захаровна), Левкиевой (Маргуша), гг. Ленскаго (Зорницъ), Добровольскаго (Критскій), Панчина 1-го (Салитч) и др.

По обыкновенію, въ заключеніе спектакля былъ поставленъ балетный дивертисментъ, наибольшій успѣхъ въ которомъ имѣла талантливая балерина московской сцены г-жа Рославлева. Исполненное ею съ г. Кляштомъ трудное въ техническомъ отношеніи pas de deux вызвало шумныя и единодушныя рукоплесканія, а solo на мушкетѣ (подъ звуки мелодичнаго вальса г. Цибульки «Сонъ любви подъ бала») и сода, полная труднѣйшихъ варіацій, сопровождались цѣлой бурей восторговъ и по настоятельному требованію публики, были повторы. Г-жа Рославлева была героиней вечера и превзошла всѣхъ своихъ соперницъ,

какъ-бы доказать, что на московской сценѣ есть танцовщицы получше петербургскихъ.

Къ сожалѣнію, нельзя того-же сказать про другую артистку московской труппы г-жу Востокову, танцовавшую на этотъ разъ мазурку съ г. Ширевымъ: въ названномъ танцѣ артистка не проявила ни жизни, ни темперамента, ни красоты движеній и позъ, и не придала ему должнаго шикка.

Изъ другихъ номеровъ дивертисмента прекрасно были исполнены г-жею Куличевскою *L'Escaissise* изъ балета «Метеоръ» и пожалуй *Danse Montagnards* изъ балета «Ливонская красавица». Я говорю «пожалуй», тѣмъ какъ всѣ артисты придали ему много жизни и даже создали известный характеръ танца (а въ особенности г. Ширевъ). Общую гармонию нарушала г-жа Преображенская. Артистка бедурпа въ классическихъ танцахъ, но несколько неудовлетворительна—въ характерныхъ. Каждый характерный танецъ прежде всего требуетъ созданія своего «характера», стиля, жизненнаго выраженія, отражающагося и въ жесткахъ, и въ движеніяхъ, а иногда и въ мимикѣ, и въ гримѣ. Можетъ-ли классическая танцовщица, воспитанная въ себѣ легкость, воздушность и грацію, отрубить отъ своихъ задачь и пересоздать себѣ въ танцовщицу характерную, преслѣдующую почти противоположныя задачи? Г-жа Кшесинская 2-ая, въ дарованіи которой, какъ классической танцовщицы, едва-ли можно сомнѣваться, всегда является весьма посредственно исполнительницею характерныхъ рас. Можно-ли, впрочемъ, сказать, что исполненное ею въ этомъ спектаклѣ испанское *pas Sevilliana* (съ г. Бекефи) было удачно? Развѣ это были испанскіе танцы, развѣ она дала зрителю образъ испанки, развѣ красивый костюмъ, излишняя вертливость и усердые изгибы корпуса могутъ дать надлежащую характеристику испанскаго танца и создать его стиль?... Какъ жаль, въ подобныхъ случаяхъ, даровитыхъ артистовъ, когда онѣ, въ ущербъ здравому смыслу и увлекаясь самолюбіемъ, берутся не за свое дѣло. Я бы посоветовалъ г-жѣ Кшесинской взять нѣсколько уроковъ у г-жи Скорскую, которую несомнѣнно слѣдуетъ признавать лучшею исполнительницею на нашей сценѣ этихъ танцевъ.

Въ общемъ, однако, весь дивертисментъ прошелъ довольно живо и весело, за исключеніемъ лишь «*Danse sans nom*», который есть не что иное, какъ полька подуканканнаго пошиба, и въ которомъ выступила съ г. Кусовымъ г-жа Леонова 1-ая. Можно-ли такъ кривляться и ломаться, какъ г-жа Леонова 1-ая, и можно-ли подобную танцовщицу выпускать на образцовой сценѣ въ отдѣльномъ *pas*? Ея танцы врядъ-ли могутъ выдержать какую-либо критику. Тѣмъ не менѣе, г-жа Леонова получила корзину цвѣтовъ (?). Кстати сказать, получила двѣ корзины цвѣтовъ и г-жа Преображенская. Слѣдуетъ думать, что существуетъ нѣкоторое обратно-пропорциональное отношеніе между исполненіемъ и его оцѣнкою...

Изъ мужского персонала отмѣчу гг. Ширева и Бекефи, а изъ кордебалетныхъ танцовщицъ г-жъ Слащова, Куницкую и Борхардтъ, которая своимъ стараніемъ и жизнью въ танцахъ рѣзко выдѣлялась отъ остальныхъ своихъ товарокъ...

Третій спектакль въ красносельскомъ театрѣ былъ данъ, не въ счетъ аборемента, 14-го іюля. Спектакль этотъ, состоявшій изъ одноактной пьесы г. Плещеева «Наканунъ», сценки г. Борисова «По важному дѣлу» и изъ балетнаго дивертисмента, имѣлъ особо торжественный характеръ. Пьеса «Наканунъ» довольно оригинальна и нова по фабулѣ, хотя не отличается драматическимъ движеніемъ. Въ этой пьесѣ, кстати сказать, въ первый разъ въ этомъ сезонѣ выступилъ г. Варламовъ (въ роли Скрипченко); остальные роли были исполнены г-жами Стрѣльскою, Юрковскою, гг. Сазоновымъ, Аполлопскимъ, Павловымъ, Ридальемъ, Шеннымъ и Доктевымъ.

Сценка «По важному дѣлу», благодаря художественному исполненію г-жею Савиню главной роли пьесы—герцальни Грамбецкой, прошла съ большимъ интересомъ, по за то сама по себѣ пьеса, построенная на искусственно подогнанныхъ комическихъ эффектахъ, вродѣ разыскиванія мертваго тѣла по папертиямъ петербургскихъ церквей, оставилъ болѣе чѣмъ странное впечатлѣніе.

Балетный дивертисментъ начался красивымъ полухарактернымъ *pas* изъ балета «Бракъ во время регентства»—*«Les deux petits pousquetaires»*, исполненнымъ г-жами Обуховою и Офицеровою. Объ исполненіи этого *pas* (въ интересахъ исполнительницъ) и умолчу. Остальными номерами дивертисмента были: solo московской балерины г-жи Рославлевой, *Grand pas des voiles*, исполненной (г-жа Востокова и г. Бекефи), Гопакъ изъ балета «Млада» (г-жи Преображенская, Куличевская, гг. Ширевъ, Сергѣевъ и др.), *La Bayadère* (г-жа Рославлева и г. Л. Ивановъ), *Pas de deux* (г-жа Кшесинская 2-ая и г. Кямптъ) и мазурка изъ оп. «Вѣдний студентъ».

Наибольшій успѣхъ изъ всѣхъ этихъ номеровъ имѣли solo

г-жи Рославлей и *pas de deux* г-жи Кшесинской 2-ой. Обѣ балерины, въ благородномъ соревнованіи, блеснули удивительною техникою и имѣли шумный успѣхъ.

Въ гопакъ, обыкновенно исполняемый въ балетѣ г-жами Преображенскою и Носковою, на этотъ разъ, вмѣсто г-жи Носковой, танцовала г-жа Куличевская, а вмѣсто г. Горского, танцующаго съ г-жею Носковою, выступилъ г. Сергѣевъ. Гопакъ, благодаря прекрасному исполненію его мужскимъ персоналомъ, во главѣ съ талантливымъ артистомъ г. Ширевымъ, танцовавшимъ съ г-жею Преображенскою, имѣлъ нѣкоторый успѣхъ.

Grand pas des voiles (чисто классическое *pas*) прошло бы недурно, если бы общее впечатлѣніе не портила г-жа Леонова 1-ая. Изъ остальныхъ исполнительницъ этого *pas* выдѣлялись по градіи г-жи Касаткина, Пончарова и Коцекал.

Въ заключеніе дивертисмента была лихо исполнена мазурка, въ которой лучше другихъ были г-жи Слащова и Куницкая, а также гг. Кусовъ и Александровъ.

Спектакль начался около 9½ часовъ вечера, т. е. какъ гласила афиша, по окончаніи «зори». Театръ былъ переполненъ самой изысканной публикою. Н. Ф.

* * *

Ф. П. Горевъ въ роли Лира.

Гастроли Ф. П. Горева продолжаютъ служить событіемъ дил и привлекать все болѣе и болѣе публики. Поставленная въ воскресенье «Василиса Мелентьева» съ Горевымъ въ роли Грознаго прошла во всѣхъ отношеніяхъ удачно. Образъ Грознаго столь сложный, что каждый понимаетъ его по своему и о трактованіи его можетъ быть сколько угодно мнѣній. Горевъ воистинѣ въ исполненіи Грознаго обычную черту своего таланта, жизненность и простоту, и можетъ быть, поэтому тѣмъ сильнее впечатлѣніе, тѣмъ страшнѣе царь Грозный. Наиболее удачными моментами въ исполненіи Ф. П. Горева мы считаемъ объявленіе съ царицей Анной въ Грановитомъ палатѣ въ первомъ актѣ и послѣдній актъ. Въ послѣднемъ-же актѣ весьма сильное впечатлѣніе произвела г-жа Холмская, вообще очень удачно исполнившая главную роль. Прекрасно вышла въ исполненіи г-жи Холмской также сцена обольщенія Колычева, въ которой артистка выказала особенное русское кокетство, очень близкое къ лукавству. Недурной царицей Анной была г-жа Каренина, и очень хороши были П. Скаритинъ въ роли Воротынского, и Скуратовъ—Колычевъ. Превосходной мамкой была также г-жа Чпжевская. Вообще пьеса прошла съ апсальблемъ; не совсѣмъ удачны были только народныя сцены въ первой картинѣ.

Къ сожалѣнію, далеко не такое отрадное впечатлѣніе произвела поставленная въ бенефисъ Ф. П. Горева «Пьеса» Рославскаго «Расплата». За какіе грѣхи публика платилась, слушая эту «одобренную литературнымъ комитетомъ пьесу»? Въ пьесѣ есть все, и черти, и дѣвѣты, а толку

А. И. Южинъ въ разныхъ роляхъ.

мало, а жизненности того меньше. Каждое дѣйствіе, каждое слово является для зрителя неожиданностью. Совсѣмъ загадочная картинка, въ которой требуется разыскать здравый смысл... Роль стараго паука г. Реймана, едва ли не самая ясная въ пьесѣ, но крайней мѣрѣ въ ней видны намѣренія автора. Г. Горевъ сыгралъ ее съ обычнымъ мастерствомъ и имѣлъ большой успѣхъ. Должно отмѣтить также г. Скуратова. Въ заключеніе бенефиснаго спектакля шли „Горизонтъ пьесы“ Гиндича, на которыхъ публика съ удовольствіемъ отдохнула. Бенефициантъ—Краснокутскій и г-жа Холмская—Васильчикова сыграли очень тонко и жизненно.

* *

На этой недѣлѣ въ «Озеркахъ» начинаются гастроли г. Южина.

* *

Многочисленные поклонники Ф. П. Горева, воспользовались его бенефисомъ чтобы еще разъ выказать ему свое глубокое уваженіе, какъ актеру и человеку. Кромѣ нѣсколькихъ вѣнковъ отъ товарищества Павловскаго театра и публички, Федору Петровичу поднесены были художественно исполненный адресъ, покрытый сотнями подписей, подлинный текстъ котораго мы позволяемъ себѣ воспроизвести:

Глубокоуважаемый Федоръ Петровичъ!

Позвольте намъ привѣтствовать Васъ съ появленіемъ на Петербургской сценѣ. Москва — постоянная соперница Петербурга на всѣхъ поприщахъ жизни — похитила Васъ въ пору высшаго расцвѣта Вашего прекраснаго дарованія. Мы не видали Васъ много лѣтъ, но нужно стоять очень далеко отъ интересовъ роднаго искусства, чтобы не слѣдить за Вашей артистической дѣятельностью. Вы, уважаемый Федоръ Петровичъ, принадлежите къ числу тѣхъ крупныхъ художниковъ, тѣхъ истинно талантливыхъ людей, появленіе которыхъ дорого всѣмъ любящимъ русскую сцену. Къ намъ Вы возвращаетесь зрѣлымъ мужемъ съ запасомъ новыхъ впечатлѣній, новыхъ формъ, новыхъ характеровъ. Въ этихъ созданіяхъ Вы пошли еще дальше: Вы обнаружили не только ни съ чѣмъ не сравнимую страстность и искренность тона, но и глубину психологическаго проникновенія и толкованія характеровъ.

Мы Петербуржцы, пользуемся случаемъ еще разъ напомнить Вамъ, что Вы намъ не чужой, и долгие годы разлуки не ослабили обаятельной силы Вашего прекраснаго таланта. Привѣтствуя Васъ, уважаемый Федоръ Петровичъ, какъ давно желаннаго гостя, мы отъ всей души восклицаемъ: «Добро пожаловать!»

* *

Ф. П. Горевъ, какъ мы слышали, переводится въ Петербургъ, съ сохраненіемъ, разумѣется, получаемаго имъ оклада, при чемъ ему дается извѣстная сумма „на подъемъ“. Нельзя не порадоваться за нашу сцену, если слухъ окажется вѣрнымъ.

* *

Въ четвергъ 17 іюля исполнилось 80 лѣтъ со дня рожденія знаменитаго мариниста Ивана Константиновича Айвазовскаго. Многолѣтняя и плодотворная дѣятельность на художественномъ поприщѣ, выдающійся и своеобразный талантъ, замѣчательная неутомимость въ работѣ создали художнику крупное имя, хорошо извѣстное далеко за предѣлами Россіи. Его талантливыми кисти принадлежатъ множество картинъ, среди которыхъ главное мѣсто занимаютъ морскіе виды. Море съ его даже мелочными капризами онъ изображаетъ на полотнѣ съ неподржаемымъ умѣньемъ. Не смотря на свой преклонный возрастъ, Айвазовскій продолжаетъ трудиться съ прежнею пзунительною производительностью и разносторонностью своего художественнаго гевія. Не такъ еще давно была въ Петербургѣ сто двадцатая выставка его художественныхъ произведеній.

По его инициативѣ, возникъ недавно вопросъ объ учрежденіи въ Одессѣ второй академіи художествъ, почему то такъ недоброжелательно встрѣченный нѣкоторыми органами, но, кажется, не оставленный совершенно почтеннымъ художникомъ.

Пожелаемъ же нашему художнику еще долго работать на пользу роднаго искусства.

* *

9-го іюля скончался въ Москвѣ академикъ Владиміръ Іосифовичъ Шервудъ, извѣстный живописецъ, скульпторъ и архитекторъ. Покойный получилъ образованіе въ сиротскомъ московскомъ межевомъ училищѣ, дворцовой архитектурной школѣ и художественномъ классѣ Московскаго училища живописи, ваянія и зодчества. По окончаніи курса въ 1869 году, онъ за портреты В. И. Герье, Стайкевича, Чичерина, Кетчера и Тютчева получилъ званіе художника 1-й степеніи, а черезъ три года—званіе академика за портретъ Забѣлина. По проектамъ В. І. исполнены памятники: плевненскимъ героямъ въ Москвѣ на скверѣ у Ильинскихъ воротъ, Императору Александру II—въ Самарѣ и Радецкому—на кладбищѣ въ Одессѣ. Главный трудъ покойнаго — проектъ историческаго музея въ Москвѣ, удостоенный на конкурсѣ первой преміи. По первоначальному проекту предполагалось украсить музей изображеніями великихъ дѣятелей русской исторіи, и въ виду этого В. І. исполнилъ „Баяна“, бюсты С. М. Содолева и К. Х. Кетчера. По его проекту исполнены памятники Н. И. Пирогову, устраиваемый на Дѣвичьемъ полѣ. Имъ представлялись также на конкурсы проекты зданія Верхнихъ торговыхъ рядовъ и зданія московской городской думы. Въ теченіе многихъ лѣтъ В. І. состоялъ гласнымъ думѣ и особенно живое участіе принималъ въ разрушеніи вопроса о городской канализаціи. Въ 1894—1895 г. покойный въ одномъ изъ журналовъ напечаталъ статью „Опытъ изслѣдованія законовъ искусства“. 11-го іюля совершено погребеніе тѣла покойнаго въ Донскомъ монастырѣ.

* *

Мы слышали, что труппа Кропивницкаго собирается на осень перекочевать въ Варшаву. Мы думаемъ, что раз-

счета малороссовъ не оправдаются и единственный русскій театр въ краѣ не попадетъ въ руки малороссовъ. Вообще странно отдавать предпочтеніе малоросскіймъ «співачамъ» тамъ, гдѣ и русскій театръ является случайное. Не слѣдуетъ забывать, что русскій театръ на окраинахъ имѣетъ свое особенное значеніе.

* * *

Въ Петербургъ прибылъ, какъ мы слышали, артистъ Московскаго Малаго театра, г. Гаринъ-Вицдинскій, изобрѣтатель новой суфлерской будки, которому поручено изготовить такія-же будки для петербургскихъ императорскихъ театровъ. Будка имѣетъ форму раковины и вставляется, какъ-бы въ футляръ, въ другую будку. Она состоитъ изъ нѣсколькихъ фанерокъ сухого дерева, покрытыхъ скрипичнымъ лакомъ. Затѣмъ сверху идутъ въ два слоя войлокъ и папье-мане. Суфлеръ, благодаря устройству будки, садится гораздо глубже, а акустическія свойства новой будки таковы, что въ зрительномъ залѣ не слышно ни одного слова изъ подаваемого суфлеромъ. Наоборотъ, актеры слышатъ отлично каждое слово, хотя-бы оно было произнесено шепотомъ. Но суфлерамъ, при такомъ устройствѣ будки, нѣтъ надобности говорить шепотомъ, что такъ вредно отражается на ихъ голосовыхъ органахъ, и въ этомъ, быть можетъ, главное достоинство новой будки.

Цѣна на будку изрядная—350 р. Надо думать, что съ теченіемъ времени суфлерскія будки новаго типа подешевѣютъ. А для провинцій новая будка—кладъ.

Нелишне будетъ замѣтить что, вообще, суфлерскія будка вызываетъ въ настоящее время большіе нареканія. Суфлерская будка—это «комаръ нашей сцены». Такъ сурово осудилъ бѣдную будку П. П. Гнѣдичъ въ небольшой статейкѣ, напечатанной въ недавно выпущенномъ сборникѣ «Призывъ». Въ такомъ-же родѣ выразился В. П. Далматовъ въ бесѣдѣ съ газетнымъ корреспондентомъ. Истина, пожалуй, находится по срединѣ. Учить роли необходимо, но и будка—учрежденіе полезное. Она, по чьему-то остроумному сравнению—то-же, что сѣтка для акробата. Изъ-за нея онъ не станетъ относиться небрежнѣе къ своему упражненію, не уменьшитъ своей ловкости, но онъ споконѣе: уменьшена возможность, печальныхъ послѣдствій неудачнаго прыжка. То-же и на сценѣ.

* * *

Въ труппу театра Литературно-артистическаго Кружка, какъ мы слышали, приглашены слѣдующіе артисты: г. Сарматовъ, драматическій любовникъ, г. Бравичъ резонеръ, и г. Дьяконовъ. Послѣдній, впрочемъ, совсѣмъ неизвѣстенъ театральному міру.

* * *

Намъ пишутъ изъ Москвы. Въ театрѣ Корша начали усиленно готовиться къ предстоящему сезону. Въ зрительной залѣ кипитъ работа. Партеръ и амфиатры расположены по повому, съ двумя очень широкими проходами по срединѣ и бокаѣ широкими проходами между рядами. Зрительная зала значительно выигрываетъ въ удобствѣ, особенно амфиатры, гдѣ убавлено на два ряда. Чтобы сохранить число рядовъ партера, пришлось податъ оркестръ, дальше вглубь сцены и передвинуть его барьеръ. Сдѣланы и нѣкоторыя другія передѣлки—расширены выходы и т. п.

Откроется сезонъ, какъ и всегда, 15-го августа, въ-ролотно, «Ревизоромъ», традиціонною пьесой коршевскихъ открытій. 30-го августа театру исполняется пятнадцать лѣтъ, и этотъ юбилей будетъ отпразднованъ торжественнымъ спектаклемъ, въ воскресенье, 31-го августа. Программа торжества лишь намѣчена, но не определена окончательно. Ближайшими новинками сезона будутъ: знакомая Петербургу мелодрама де-Курселя «Два подростка» («Les deux gosses»), исключительное право перевода и постановки которой въ Россіи приобрѣтилъ г. Коршемъ; «Батракъ» Риншпена, «Власть мужа» Поля Эрвье (автора «Тисковъ»); «Златокудрая Ева», пьеса Шептана, которую пономъ ставила въ Москвѣ нѣмецкая труппа, комедія Куликова «Слабый полъ» и нѣкоторыя другія. Въ составъ труппы вошли вновь г-жи Пуаре и Седивалова, гг. Магковскій, Москвинъ, Насоновъ и Юрьевъ.

* * *

Вѣнская опереточная труппа Фр. фонъ-Лунера, изъ Карль-театра, въ «Асваріумѣ», на постъ будущаго года приглашена В. Н. Шульцемъ въ Москву. Для спектаклей труппы снятъ театръ Корша.

* * *

Въ настоящемъ году, 13-го мая, исполнилось 35-лѣтіе сценической дѣятельности Г. Н. Федотовой, которая съ осени возвращается послѣ двухлѣтняго отпуска въ труппу Малаго театра. Въ настоящемъ-же году исполнилось 20 лѣтъ службы г-жи Ермоловой-Кречетовой (1-го іюня) и г. Левицкаго (4-го іюня) и 15-лѣтіе службы А. И. Южина (1-го іюля). 15-го

ноября текущаго года исполнится 20 лѣтъ службы А. П. Щенкиной 1-й. Кромѣ того, 2-го іюля окончилось 45 лѣтъ службы режиссера Малаго театра С. А. Червискаго, а 24-го (февраля)—35 лѣтъ службы второго режиссера А. М. Кондратьева. Въ этомъ-же году оканчиваютъ 20 лѣтъ службы въ балетѣ талантливый танцовщикъ Н. Е. Домашевъ (7-го декабря) и 25 лѣтъ—Г. Гецманъ (27-го ноября); 2-го іюля окончилъ 35-лѣтіе службы мимикъ г. Шишкинъ.

Въ будущемъ году маститая Н. М. Медвѣлева будетъ правдывать, въ октябрѣ, 50-лѣтіе своей плодотворной сценической дѣятельности. Кромѣ того, исполнится 20-лѣтіе службы О. А. Правдина (4-го апрѣля), режиссера оперы А. И. Барнала (4-го октября), премьеры балетной труппы И. Н. Хлюстина, 30 лѣтъ службы мимовъ балета г. Поливанова и Самислева и многихъ другихъ.

* * *

Для выставки афишъ, устраиваемой осенью нѣмнѣшняго года, однимъ изъ извѣстныхъ провинціальныхъ актеровъ доставлена, какъ намъ передаютъ, интересная коллекція афишъ, относящаяся ко времени царствованія Петра Великаго.

* * *

Дирекція одесскаго отдѣленія Императорскаго русскаго музыкальнаго общества, въ виду преобразования отдѣленія, спелась съ попечителемъ одесскаго учебнаго округа по вопросу о планѣ и программѣ для общеобразовательныхъ классовъ при отдѣленіи. Дирекція предполагала держаться въ преподаваніи плановъ и программъ прогимназій министерства народнаго просвѣщенія. Попечитель округа уведомилъ дирекцію означеннаго отдѣленія, что съ его стороны нѣтъ никакихъ пренятій для введенія указанной программы.

* * *

На этихъ дняхъ любительскимъ кружкомъ въ Павловскѣ были поставлены три одноактныхъ пьески: «Мелвѣдъ соснатыль», «Лѣтняя картинка» и «Предложеніе». Особыхъ талантовъ среди любителей не оказалось,—но это еще съ полъ-горя; гораздо хуже то, что гг. «любители» проявили очень мало любви къ дѣлу. Замѣтно было нетвердое знаніе ролей. Суфлера слушать гг. любители не умѣютъ, и въ результатѣ,—целовкія паузы и умоляющіе взгляды по адресу надрывающагося изъ силъ суфлера... Режиссеру кружка не мѣняетъ обратить вниманіе на mise en scène: очень ужъ оно страдало. Живѣе остальныхъ пьесъ прошло «Предложеніе», въ которомъ замѣтно выдѣлялись г. Филипповъ (Ломовъ) и г. Магвѣевъ (Чубуковъ).

* * *

Временно исполняетъ обязанности директора петербургской консерваторіи проф. Бернгардтъ.

* * *

Піанистъ Сапельниковъ.

На-дняхъ Харьковскій театръ г-жи Дюковой перешелъ въ собственность города.

* * *

Осенью состоится прощальный бенефисъ г. Нильскаго, покинувшего казенную сцену.

Комедія пойдетъ въ переводѣ бенефицианта покойнаго Мельяка «Ma cousin»,—подъ названіемъ «Якорь спасенія». Главная женская роль предполагается переводчицею г-жѣ Савиной. Кромѣ комедіи Мельяка, въ бенефисъ г. Нильскаго будетъ поставлено нѣсколько сценъ изъ драмы «Смерть Иоанна Грознаго», съ бенефициантомъ въ роли Грознаго.

* * *

Антрепренеръ вѣнской оперной труппы, подвизавшейся въ «Акваріумѣ», Яунеръ получилъ, по словамъ газетъ, чистой прибылью 80 тысячъ гульденовъ (гульденъ равняется 80 копѣйкамъ).

Очевидно однако, что въ этомъ случаѣ слѣдуетъ произвести девальвацию гульдена и считать его копѣекъ въ 10.

По словамъ газетъ, при школѣ г-жи Бренко устраиваютъ новый театръ. Мы полагаемъ, что здѣсь идетъ рѣчь о театральномъ залѣ, такъ какъ, насколько намъ извѣстно, помѣщеніе бывшей кухмистерской, гдѣ помѣщается школа г-жи Бренко, врядъ-ли можетъ быть перелѣзано подъ театръ.

ПРОРОКЪ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Въ труппѣ ***скаго театра—куда я прѣхалъ служить зимній сезонъ 187* года—у меня не оказалось ни одного знакомаго, такъ что антрепренеру Василию Степановичу Чибисову пришлось представить меня на первой репетиціи такой массѣ новыхъ товарищей и товарокъ, что я сейчасъ-же перезабылъ и перепуталъ, по крайней мѣрѣ, половину именъ и лицъ и произвелъ этимъ не особенно

благопріятное впечатлѣніе на моихъ нервныхъ и обидчивыхъ собратьевъ.

— Вы совершенно напрасно величаете меня Катериной Николаевной, когда я Елена Григорьевна, что прошу и запомнить или совѣмъ ужъ не обращаться ко мнѣ!—оборвала меня на первыхъ-же порахъ наша grande-dame „извѣстная“ Иргизь-Еланская, которую я искреннѣйшимъ образомъ смѣшалъ съ комической старухой Кутерьминой.

Артистъ на роли „героевъ“ пришелъ въ настоящее негодованіе, убѣдившись, что мнѣ не было извѣстно громкое имя Никодима Набережнаго и что самая наружность его настолько не произвела на меня надлежащаго впечатлѣнія, что я позволилъ себѣ спросить—не онъ-ли играетъ губернатора въ „Птичкахъ пѣвчихъ“.

Однимъ словомъ, мнѣ стало ясно, что живя постоянно въ Петербургѣ, я былъ лишенъ возможно-

сти знать цѣлую массу разнообразныхъ талантовъ, которые такъ гремятъ по провинціи. Сознавшись въ своемъ невольномъ невѣжествѣ, я напередъ все вниманіе, чтобы не впадать болѣе въ эти оскорбляющія ошибки; но впечатлѣніе было уже произведено и мнѣ долго еще пришлось считаться съ его невыгодностью.

Съ первыхъ-же шаговъ я сдѣлался въ труппѣ чело-вѣкомъ пришлымъ и „чужимъ“. Обращались со мной, хотя и вѣжливо, но сухо; никто меня не приглашалъ къ себѣ, никто не беспокоилъ и меня своимъ посѣщеніемъ и даже со стороны моей артистической дѣятельности я былъ заклеиваема обиднымъ въ провинціи прозвищемъ „никакого“ актера. Остракизмъ былъ полный и жестокій. Но, вѣрно, не даромъ говорятъ, что „нѣтъ худа безъ добра“;—нашлось это добро и въ моемъ отчужденномъ положеніи: я получилъ отдѣльную уборную.

Правда, уборная эта была до крайности неказиста—крошечный, дырявый чуланчикъ подъ лѣстницей—но, предоставленная въ мое исключительное владѣніе, она сдѣлалась для меня очень уютнымъ и укромнымъ уголкомъ. Полъ, въ который сначала немилосердно дуло, я обиль, замазалъ щели и даже оклеилъ дешевенькими обоями грязныя до отвращенія стѣны. Къ двери я придѣлалъ крѣпкій замокъ и это дало мнѣ возможность оставлять болѣе необходимую часть моего гардероба въ театрѣ и не таскаться ежедневно съ докучными узлами. Служивцы мои, видя, какъ я заботливо обряжаю мою норку, насмѣшливо переглядывались и дѣлали разныя презрительныя замѣчанія, въ которыхъ, казалось мнѣ, было гораздо больше зависти, чѣмъ презрѣнія. Никто почти не заглядывалъ въ мой уголокъ и я могъ спокойно, безъ помѣхи пробѣгать въ антрактахъ лишній разъ мою роль, не коптитесь въ облакахъ табачнаго дыма и не принуждать себя сверхъ желанія пить пиво и водку, не сходящія почти со столовъ другихъ уборныхъ. Съ публикой я тоже не заводилъ никакихъ знакомствъ, а потому никто и не досаждалъ мнѣ ни приторными и льстивыми похвалами, ни нелѣпыми, подчасъ до смѣшного, совѣтами и замѣчаніями.

Спектакли шли своимъ чередомъ и „никакой актеръ“ мало-по-малу начиналъ дѣлаться не только необходимымъ членомъ труппы, но и настоящимъ, горячимъ любимцемъ публики. Антрепренеръ нашъ, сметливый и ловкій Степанъ Васильевичъ, становился со мною день отъ дня вѣжливѣе и предупредительнѣе. Служивцы, хотя и косились на меня, но нѣкоторые начали уже при встрѣчахъ первыми приподнимать свои шляпы, особенно, безъ постороннихъ свидѣтелей.

II.

Однажды—это было, кажется, въ концѣ октября—придя на репетицію, я замѣтилъ какое-то необычное оживленіе среди нашей труппы.

— А вы знаете—у насъ новость, обратилась ко мнѣ словоохотливая старуха Кутерьмина, только что я успѣлъ войти на сцену.

— Что такое?

— Лукошниковъ пришелъ.

— Какой Лукошниковъ?

— Какъ, вы и Лукошникову не знаете? всплеснула руками Катерина Николаевна.—И не слыхали о немъ ничего?

— Ничего не слыхалъ.

— Удивительно! У насъ всѣ его знаютъ.

— Да чѣмъ-же онъ знаменитъ такъ?

— А подите, да посмотрите: Вонъ—онъ стоитъ!

указала она мнѣ вмѣсто отвѣта на небольшую группу актеровъ, толпившихся возлѣ бутафорской. Я подошелъ поближе.

Высокій и худой, какъ скелетъ, мужчина лѣтъ сорока пяти, одѣтый въ очень обтрепанное рыжее пальто и забрызганные грязью, длинные сапоги, стоялъ посреди актеровъ, разсѣянно поглядывая на нихъ и почти ничего не отвѣчая на безчисленные вопросы. Его смуглое, словно старымъ пергаментомъ обтянутое лицо, казалось утомленнымъ. Давно небритая борода и усы проросли жесткой сѣрой щетиной. Длинные, черные волосы, только слегка подернутые сѣдиной, падали прямыми прядями по обѣимъ сторонамъ высокаго, морщинистаго лба. Изъ-подъ хмурыхъ, нависшихъ бровей выглядывали небольшие, лихорадочно блестящіе глаза.

— Черезъ Москву шелъ?—допытывался у него комикъ Загибинъ.

— Черезъ Казань... неохотно и немного сплывымъ голосомъ отвѣтилъ Лукошниковъ.

— Ну, а потомъ?

— Черезъ Свияжскъ, Алатырь...

— Скажи, какіе города есть! Я и не слыхивала про нихъ, вставила подошедшая къ группѣ Кутерьмина.

— Да какъ-же, братецъ мой, ты Москву-то обошелъ? настаивалъ комикъ.

Лукошниковъ ничего не отвѣтилъ и разсѣянно посмотрѣлъ въ мою сторону. Его суровое и даже сердитое въ профиль лицо, показалось мнѣ en face несравненно мягче и добрее. Особенно симпатиченъ былъ у него ротъ: какое-то наивное, почти дѣтское выраженіе мелькало на его красивыхъ, хотя и блѣдныхъ губахъ.

Въ это время къ нашей группѣ подбѣжалъ самъ юркій импрессарио.

— Здравствуй, здравствуй, Миша! затараторилъ онъ, протягивая Лукошникову руку.—Что, голубчикъ, служить пришелъ?

— Служить, просто отвѣтилъ тотъ.

— Что-жь, голубчикъ, дѣло доброе! Спасибо, что не забываешь! Хотя, по правдѣ сказать, труппочка-то у меня и укомплектована, вполне укомплектована...

— Ну, тогда не надо! такъ-же просто перебилъ его Лукошниковъ.

— Да ты постой! Постой! Экій ты, братецъ мой, щепетильный! Тебѣ и слова сказать нельзя, затаропился Чибисовъ.—Я вѣдь что говорю: я говорю, что хоть труппочка у меня и укомплектована, но для тебя всегда мѣсто найдется. Вотъ, вѣдь, я что говорю! А ты сейчасъ—и не надо! Ты ужотка, послѣ репетиціи зайди ко мнѣ въ контору, тамъ и переговоры окончателно,—и пожавъ еще разъ Лукошникову руку, Степанъ Васильевичъ юркнулъ въ бутафорскую.

Раздался звонокъ режиссера, началась репетиція и Лукошниковъ былъ оставленъ въ покоѣ.

Въ этотъ-же вечеръ Чибисовъ, забѣжавъ въ мою уборную, чтобы похвастаться новымъ, сдѣланнымъ для меня колетомъ, спросилъ между прочимъ, видѣлъ-ли я „блажененькаго“.

— Какого блажененькаго? не понялъ я сразу.

— Да Мишу-то Лукошникова.

— Да, развѣ онъ блаженный?

— Да, съ большими странностями человѣкъ. Знаете-ли вы, напримѣръ, откуда онъ теперь пришелъ? Изъ Сибири, да-съ, изъ самой Сибири, изъ города Тобольска.

— Какъ, пѣшкомъ?

— Пѣшечкомъ-съ. И вы, вѣдь, то подумайте, что

ежегодно онъ эту путину два раза ломаетъ—весной и осенью. Прежде еще дальше ходилъ, до самаго Иркутска; ну, а теперь годъ отъ году сокращаетъ.

— Да зачѣмъ-же онъ странствуетъ туда?

— Семья у него тамъ, жена и дѣти.

— Такъ отчего-же онъ ихъ не перевезетъ въ Россію?

— Онъ и то перевозить понемножку. Вотъ отслужитъ сезонъ, скопитъ деньжонокъ, а потомъ котомку на плечи и пошелъ шагать къ своему семейству. Часть скопленныхъ денегъ употребитъ на переселеніе своей семьи поближе къ Россіи, верстъ на триста, а то на пятьсотъ передвинетъ; а остальную часть оставитъ имъ на проживаніе и опять обратно къ намъ.

— Да отчего-же онъ въ Сибири не служить, тамъ, вѣдь, тоже театры есть.

— А ужъ не могу вамъ этого сказать. Не правится ему что-ли тамъ, навѣрное не знаю. Отъ него, вѣдь, немного добьешься—не разговорчивъ. Пробовали ему совѣтовать—чего, дескать, ты самъ туда ходишь—посылалъ-бы по почтѣ...

— Ну и что-же?

— Молчать. Надо полагать о дѣткахъ тоскуетъ, повидаться съ ними тянетъ. А, впрочемъ, не разберешь его—юродивый, одно слово; такъ изъ милости я его и въ труппу-то принимаю! заключилъ Степанъ Васильевичъ съ легкимъ вздохомъ, придавая своей широкой физиономіи добродушно умильное выраженіе и поглядывая на шелковый колетъ, развѣшенный на стѣнѣ моей уборной.

— Да-съ, не дуренъ костюмчикъ! заговорилъ онъ какъ-бы самъ съ собой послѣ небольшого молчанія.—Щегольская штучка, да за то и обошелся въ копѣечку! Впрочемъ, теперь вотъ Миша у насъ въ труппѣ, можно будетъ кое-что изъ старыхъ мелодрамокъ возобновить. Любить наша публика мелодрамки! И-ихъ, какъ любить! Почти что съ опереточкой наравнѣ. Это не то, что комедіи! Комедію поставишь, такъ и смотри ее самъ — въ театрѣ-то хоть шаромъ покати. Однако, что-же это я, спохватился вдругъ Чибисовъ,—заболтался тутъ съ вами и забылъ, что у меня еще дѣла полноъ ротъ!—и, снявъ бережно со стѣны „щегольскую штучку“, онъ выскочилъ изъ моей конурки и проворно за-сѣменилъ по скрипучимъ ступенямъ деревянной лѣстницы.

Вл. Тихоновъ.

(Продолженіе будетъ).

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Жюль Леметръ о Дуэ. Въ «*Révue des deux mondes*» помѣщена небольшая статья извѣстнаго критика Ж. Леметра, объ Элеонорѣ Дуэ. Леметръ, подобно Фр. Сарсэ и другимъ театральнымъ рецензентамъ, видитъ въ Дуэ большую артистку. «Что неоспоримо у Дуэ», говоритъ Леметръ — это необыкновенно прелестная грація (*un attrait singulier de grâce*), мягкость и иѣжность. Вотъ почему, ея стремление къ правдѣ, ея стараніе избѣжать даже тѣхъ искусственности, ея глубокой и искренней реализмъ — обращаются даже (?) въ поэзію. Въ ней прелесть женщины — зрѣлой и страстной съ одной стороны, — женщины надломленной, болѣзненной, неврастеничной, въ которой, однако, живетъ грація ребенка, — съ другой». Послѣ такого общаго вступленія, Ж. Л. переходитъ къ частностямъ игры великой итальянской артистки. Прелестное описаніе ея наружности онъ заканчиваетъ слѣдующими словами: «и не видать актрисы, которая столько играла-бы своей иѣжностью, ни лица, которое подавалось-бы такому громадному количеству разнообразныхъ выраженій». Благодаря прежде всего, — лицу, Дуэ, и думаю, — необыкновенная артистка».

Больше всего мѣста въ статьѣ Леметра отведено разбору «Дамы съ камелиями». Леметръ находитъ, что Дуэ, «*charnante en soi*», вовсе не играетъ той Маргариты Готье, которую создалъ Дюма-сынъ. Дуэ точно забываетъ, что Маргарита — женщина полувѣста; «она даже не гриммуется и не старается покрасить бѣлые ниточки, которая къ 35-му году *) вылезли въ ея густые черные волосы», въ этомъ есть доля бравоироніи; это значитъ: «мнѣ надо любить такой, кака я есть»... Этимъ, по мнѣнію Ж. Л. Леметра, артистка нарушаетъ правдивость изображаемаго лица. Она играетъ Маргариту не куртизанкой, а иѣжной любовницей, «которой призасть видъ гризетки — необыкновенно изящной, пожалуй прерафалелитской — въ стилѣ Боттичелли». «Короче говоря, она играетъ первые два акта очаровательно, но такъ, какъ играла-бы Джульетта или Франческа дн Римини; она, какъ Франческа и Джульетта — «безъ профессии»; она — влюбленная Дуэ: вотъ и все!».. Впрочемъ, по мнѣнію Ж. Л., это извинительно Э. Дуэ, потому что въ итальянскомъ текстѣ драмы социальный вопросъ о положеніи женщины въ обществѣ совершенно отсутствуетъ, — вопросъ, на которомъ держался успѣхъ пьесы въ 1855 году. Въ итальянской версіи — пьеса обращается въ простую историю двухъ любящихъ другъ друга и разлучаемыхъ существъ...

Несмотря на то, что Леметръ отдаетъ должное простотѣ Дуэ, онъ, по поводу игры ея въ 3-мъ актѣ говоритъ: «имѣя, привыкшимъ къ игрѣ Сары Бернаръ, — игрѣ болѣе мощной, болѣе синтетической (?), болѣе театральной, — горе и отчаяніе Дуэ показались не достаточно ярко выраженными (*trop modestes*)». Быть можетъ, желая быть *слишкомъ* правдивой, она показалась намъ блѣдной. Возможно, что въ жизни самые суровые удары ея принимаются безъ трагическихъ жестовъ, безъ слезъ и рыданій, но я полагаю, что *условія драматическаго представленія въ игрѣ, даже наиболее искренней, требуютъ некотораго подъема, некоторой преувеличенности*... Въ сценѣ Маргариты съ отцомъ-Дювалемъ и нѣкоторые приняли ее за нахлѣбницу, которую бранитъ старый баринъ»... Эта пассивность противорѣчитъ, по мнѣнію Ж. Л., тому идущему *scendendo* крику — «*Armand!*», который выдумала отъ себя въ концѣ 4-го акта Эл. Дуэ. За то ему чрезвычайно нравится у Дуэ сцена чтенія письма въ 5-мъ актѣ: артистка первая слова а потомъ, не глядя на письмо, продолжаетъ его наизусть. Сравнивая смерть Маргариты въ исполненіи Сары Бернаръ и Дуэ, Леметръ находитъ, что «смерть Дуэ вызываетъ больше жалости, она болѣе дѣтская, болѣе скрыта покровомъ, болѣе покойна, болѣе правдива въ мелочахъ, — и менѣе смѣлая, менѣе своеобразная (?), менѣе захватывающая, чѣмъ рѣзкая смерть Сары»... Признавая обѣихъ артистокъ гениальными (а свою французскую, вѣроятно изъ патриотизма). Леметръ говоритъ, что Сара болѣе величественна, обладаетъ большимъ «стилемъ», болѣе потрясаетъ, но что Дуэ вся проникнута большей иѣжностью, большей таинственностью... Гениальная артистка очень понравилась Леметру въ «*Maids*». «Она вернулась къ отцу, пишетъ онъ, не пышной, капризной царицей театра (какъ это дѣлаетъ Сара Бернаръ), а сантиментальной и веселой иѣмочкой»... Не подчеркивая вначалѣ духа и протеста, которымъ проникнута Магда, «Дуэ дѣлаетъ болѣе правдоподобными наивныя иллюзіи и взыскательность полковника».. Нечего говорить, что сцена Магды съ Келлеромъ въ 3-мъ актѣ произвела на талантливаго критика громадное впечатлѣніе; онъ говоритъ, что Дуэ проводитъ ее «*de quelque art supérieur, semblable à la nature même*»... А между тѣмъ въ этомъ и вся сущность и его слова.

Въ поэмѣ Аннуэио: «*Le songe d'une matinée de prin-*

temps» — Дуэ дала образъ помѣшанной, но ласковой и полной грезъ, душа которой, казалось, не отличалась существенно отъ души поэта-лирика...

Свой очеркъ Леметръ заканчиваетъ нѣсколькими вопросами: не останется-ли Дуэ во всѣхъ роляхъ самой собою? — такое впечатлѣніе можетъ остаться у зрителя, не понимающаго итальянскаго языка. На этотъ вопросъ Леметръ отвѣчаетъ уклончиво, говоря, что способности «уходить изъ себя» (*s'aliéner*) онъ встрѣчалъ только у актеровъ, и то немногихъ...

Далѣе онъ спрашиваетъ: — «*создастъ*» ли Дуэ роли? и отвѣчаетъ опять-таки не совсемъ ясно, высказывая общее положеніе, «что *maximal* правдивости въ мелочахъ не всегда даетъ въ результатѣ *maximal* цѣльности»...

Въ самомъ концѣ очерка Леметръ поднимаетъ вопросъ о значеніи артистическихъ турнѣ крупныхъ артистовъ для развитія европейскаго вкуса: онъ могли-бы оказать ему услугу, отвѣчаетъ Леметръ, если-бы артистки не портили хорошихъ произведеній, приспособляя ихъ къ своему исполненію и по своему вкусу. Леметръ общается въ слѣдующей книжкѣ «*Révue*» продолжитъ свой очеркъ.

Гр. В-скій.

Триумфы Дуэ въ Парижѣ вызвали надяжъ слѣдующую рѣчь въ засѣданіи муниципальнаго совѣта въ Венеціи.

«Вы, пожалуй, удивитесь, что я завожу здѣсь рѣчь о фактѣ, не имѣющемъ никакого отношенія къ нашему собранію. Но дѣло идетъ объ искусствѣ, а оно, во всѣхъ своихъ разнообразныхъ проявленіяхъ, должно интересовать Венецію. Женщина, родившаяся на этихъ лагунахъ, дитя народа, простая, скромная, только что одержала блестящую побѣду на парижскихъ сценахъ, перелѣ лицомъ артистовъ, которыми справедливо гордится Франція. Она своимъ триумфомъ прославила Италию и сдѣлала для нея больше, чѣмъ наши искусные дипломаты. Продолжая дѣло, начатое maestro Верди, Элеонора Дуэ могущественнымъ образомъ поспособствовала тому, чтобы разрушить преграду ревнивыхъ тревогъ, предразсудковъ и недоразумѣній, столь вредныхъ для взаимныхъ отношеній и интересовъ и Франціи, и Италиіи. Въ очарованіи, производимомъ ея искусствомъ, получили, какъ въ родникѣ, начало потоки взаимныхъ симпатій и взаимнаго уваженія обѣихъ склоновъ Альпъ, и мы надѣемся, что они отразятся прекраснѣйшими плодами. Вотъ почему я и прошу венеціанскій муниципальный совѣтъ быть эхомъ тѣхъ рукоплесканій, которыя раздавались въ честь нашей соотечественницы на берегахъ Сены. Я предлагаю приветствовать Элеонору Дуэ отъ имени муниципальнаго совѣта и выразить ей наше восхищеніе и нашу признательность за то, что она прославила за-границей свое искусство, свою отчизну и свою Венецію».

Предложеніе было принято единодушно и соответствующее пріветствіе было немедленно отправлено по телеграфу.

Въ Германіи прекратилась самая старая театральная нѣмецкая газетъ «*Neuer Theater-Donnst.*», издававшаяся въ Берлинѣ въ продолженіе пятидесяти лѣтъ.

Знаменитый астрономъ-популяризаторъ Камилль Фламарионъ написалъ для парижскаго театра «*Gympnase*» обставочную пьесу «*Fin de Siècle*». На сценѣ, во второмъ актѣ, появляется комета. Постановка пьесы Фламарионъ обойдется дирекціи театра «*Gympnase*» почти во сто тысячъ франковъ, «Конецъ вѣка» будетъ безусловно «возвездѣмъ» осенняго и зимняго сезона названнаго театра.

Максъ Гальбе, авторъ сильно напущившей пьесы «*Юность*» и вообще видный представитель молодаго поколѣнія нѣмецкихъ драматурговъ, дѣлящій популярность съ Гауптманомъ, Зудерманомъ и Фудьдой, окончилъ новую пятиактную драму «*Matte-земли*», которая и пойдетъ въ самомъ началѣ предстоящаго сезона въ берлинскомъ «нѣмецкомъ театрѣ».

*) *Примѣчаніе.* Леметръ ошибается: Э. Дуэ родилась въ 1859 году, слѣд. ей теперь 38 лѣтъ.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ДѢЛО ВЪ СИБИРИ.

(ОЦЕРКЪ).

Продолженіе *).

IV.

Обзоръ городовъ Восточной Сибири въ театральномъ отношеніи.

Въ 257 верстахъ (изъ нихъ 45 вер. по Байкалу — зимой по льду — на саняхъ — а лѣтомъ на пароходѣ) лежитъ *Верхнеудинскъ* съ 5 т. ж.; есть Общественное Собраніе, гдѣ театральныи залъ съ небольшою сценою вмѣщаетъ публики рублей на 400. Жизнь мелко промышленная или чиновничья; съ 25 января по 10 февраля бываетъ здѣсь одна изъ важнѣйшихъ ярмарокъ въ Восточной Сибири и тогда — ставя спектакли хоть каждый день.

Областной городъ *Чита* находится въ 416 верстахъ отъ предыдущаго имѣетъ 10 т. ж. Ядро населенія — интеллигенція, отчего публики достаточно для постановки публ. риды спектаклей, даже и лѣтомъ, ибо дачи въ окрестностяхъ пѣтъ и читинцы удовлетворены городомъ, который почти весь деревенный, разбросанный по песчаной мѣстности, поросшей частью хвойникомъ. Видя, однако, въ томъ, что театральныи залъ въ клубѣ давно не реконструированъ; длинные диваны, служащіе для публики, съ выдвѣжной матерчатой обивкой, которая, при прикосновеніи, не укакаетъ массу выли, отнимаетъ послѣдній отзвукъ и пѣтъ и говорить въ немъ также трудно, какъ въ подвалѣ; сцена мала и низка; тѣмъ не менѣе сборы за 600 руб. не рѣдкость. Любимыи пьесы — французскіи мелодрамы съ кровавымъ содержаніемъ и оперетты. Есть музыкальный кружокъ, возникшій благодаря инициативѣ М. Ю. Арнольда; первый (солидный музыкантъ-любитель) семействѣ работала въ кружокѣ въ качествѣ распорядителя, дирижера и учителя и проводила всѣми силами серьезную музыку. Все шло хорошо... Но вотъ, за послѣднее время появились новые таланты, которыхъ было по дунѣ лишь несколько, да «сердцещипательные» романсы; М. Ю. Арнольдъ пробовалъ бороться противъ теченія, но безуспѣшно, и принужденъ былъ отказаться отъ распорядительства. Тогда г. любители, вѣсти за отказъ, послѣ единогласнаго избранія при новыхъ выборахъ не возобновили г. Арнольду членскаго билета, и мало того, заставили его некакіе рекомендаціи другихъ членовъ, чтобы имѣть право входа на музыкальные вечера кружка.

Нерчинскъ отстоитъ отъ Читы въ 267 в.; хотя въ немъ только 5 т. ж., но есть хорошій театральныи залъ въ два свѣта, съ хорамы, причинала сцена, отличный резонансъ; рублей на 450 выдѣяться можно. Лѣтомъ публика развѣзывается, а къ осени все опять доза.

Проѣхавъ еще 98 верстъ, доѣзжаемъ до станицы «*Сретенскъ*» (2 т. ж.), отсюда начинается судоходство по рѣкѣ Амуру; тутъ есть маленькій военный клубъ съ крошечной сценой, причѣмъ публики наберется руб. на 200. Съ начала мая до середины октября — навигаціи; дѣйствуютъ два пароходныхъ общества; ихъ пароходы сравнительно удобны.

Пронзавъ 1117 в. по р. р. Шилкѣ и Амуру, мы попадаемъ въ *Благовещенскъ*. Это — городъ весьма интересный, съ оригинальною, такъ сказать, физиономіей, и въ театральномъ отношеніи представляется явленіемъ достаточно неожиданнымъ: уже нѣсколько лѣтъ существуетъ въ немъ каменный трехъ-ярусный театръ (въ Иркутскѣ только теперь), хорошая сцена, вполнѣ приличныя декорации, съ будущей зимой, вѣроятно, электрическое освѣщеніе; каждый годъ — театральныи сезоны, а въ истекшемъ было даже два театра и двѣ труппы: оперно опереточная и драматическая; послѣдняя, правда, черезъ два мѣсяца прогорѣла, и первая продержалась аккуратно и безъ убытка. Относительно репертуара Благовещенскъ также шель впереди остальныхъ городовъ Сибири, ибо у насъ, прошедшей зимой, прошло 16 оперъ: «*Фаустъ*», «*Аида*», «*Цаицы*», «*Баль-Маскарадъ*», «*Ришолетто*» и т. д., причѣмъ сборы доходили до 1.300 руб., а сезоны въ состояніи дать до 40 т. руб. Цѣвціе спектакли и хорошая драма наиболѣе привлекаютъ здѣшнюю публику; потому труппа можетъ быть оперно-опереточная и нѣсколько артистовъ на первый роли въ драму, а для вторыхъ ея ролей слѣдуетъ занимать вторыхъ опереточныхъ персонажей; кто безусловно необходимъ; поридочная пѣвица — молодая и красивая, первый пѣвецъ, драматическая ingénie, любовникъ-герой

и способный комикъ; отъ остальныхъ требуется, чтобы они были приличными и дружно поддерживали ансамбль. Конечно, несутъ сезонъ на себя первые, а оттого они должны владѣть обширнымъ репертуаромъ — учить некогда — такъ какъ занятые быть приходится почти каждый спектакль. Публика достаточно требовательная. Лучшее время сезона — сентябрь, октябрь и ноябрь, а въ декабрѣ погодопроявленіи и золотонкатешъ уѣзжаютъ уже въ тайгу на пріиски, хотя и безъ нихъ народу достаточно, ибо жителей до 40 тысячъ. Лѣтомъ, съ этого года, будетъ театръ въ саду Общественнаго Собранія (ему принадлежатъ и каменный) и въ виду того, что Владивѣстскіе складочныи и переплеточныи пункты съ обонхъ концовъ Амура и съ Зейскихъ пріисковъ — раскинуть при выдѣнн рѣки Зей въ Амуръ, то ясно, что въ такомъ оживленномъ городѣ найдутся поставители спектаклей и лѣтомъ, если, конечно, ставить легкіи и незамысловатые пьесы.

Плыви дальше на пароходѣ по Амуру, черезъ 842 версты, прибываемъ въ *Хабаровскъ*, резиденцію Приамурскаго генералъ-губернатора, гдѣ масса административныхъ учреждений; не смотря на 10 тысячное народонаселеніе, очень много интеллигенціи и потому сборы залы Общественнаго Собранія доходить до 500 руб.; мало того, небольшая труппа можетъ продержаться зиму и взятъ за сезонъ тысячъ 18 руб. при двухъ въ недѣлю спектакляхъ; помѣщеніе неважное съ разборной сценой, оркестръ брѣтъ для пѣнн немыслимо (пѣтъ мѣста передъ сценой), но въ антрактахъ играть онъ можетъ; аккомпанировать удобно и на роялѣ, принадлежачемъ клубу. Жизнь здѣсь сѣренская, тихая, отчего хабаровцы относятся къ театру очень тепло. Оперетка, увы, предпочитается драмѣ и комедіи. Дѣло идетъ по театральнымъ вопросамъ, все-таки, на очереди.

При выдѣнн Амура въ Великій Оксанъ лежитъ городъ *Николаевскъ*, въ которомъ мало публики (2 т. ж.), пѣтъ подходящаго помѣщенія, а отъ Хабаровска 910 верстъ по Амуру на пароходѣ, слѣдовательно ѣхать туда, конечно, не стоить.

На островѣ *Сахалинѣ* два главнѣйшіи селенія: *Александровскій* и *Корсаковскій* посты, гдѣ много, сравнительно, служащихъ люда и гдѣ рады весьма энергично, все сдѣлаютъ, что могутъ, — но ѣхать туда въ сезоннн лишь туристы, путешествующій для своего удовольствія.

Усеурійская желѣзная дорога соединяетъ (850 верстъ) Хабаровскъ съ Владивостокомъ. *Владивостокъ*, по своему горному и стратегическому значенію, городъ громадной будущности: обширный коммерческій и военный порты, до 35 т. ж., не смотря на то, что они сдѣлали городомъ лишь въ 1880 году и пять лѣтъ назадъ въ пригородѣ (матросской слободѣ) убили послѣдннго тигра, пунктъ обѣихъ русскихъ, китайскихъ, японскихъ и европейскихъ торговъ, конецъ Великаго сибирскаго желѣзнодорожнаго пути. Много интеллигенціи, коммерсантовъ, мастеровыхъ и рабочихъ разныхъ національностей; полкранды, сдѣлки, купли, продажа въ большихъ и малыхъ разнѣрахъ, аферы, работа въ конторахъ, на корабляхъ, въ порту и въ укрѣпленіяхъ (крѣпости 1-го класса) все это препращаетъ жизнь Владивостока въ какую-то лихорадочную суету и суматоху, ослабляющую немного при заморзаннн «*Золотога Рога*» (порты). Слѣдствіемъ такой кипучей дѣятельности является желаніе къ вечеру отдохнуть отъ дневныхъ заботъ за разумнымъ развлеченіемъ, которымъ считается театръ, пользующійся здѣсь большимъ успѣхомъ. Театральное дѣло тутъ началось съ кафе-шантана низшаго сорта, гдѣ, переряженные въ кыганскіе костюмы, солдажки, подѣ брѣнчанье разбитаго шанши и аккомпаниментъ бубенъ, вынуживали хрипыми отъ возліаннн голосами «*Конфетку*», «*Мидую*» и т. п. шедевры... Съ той поры прошло довольно времени. «*Каллики*» уже пѣтъ (прозвище кафе-шантана), но у бывшаго хозяина ея — лучшая гостиница въ городѣ да и пожалуй, въ Сибири, устроенная на Европейскій манеръ, стоющая 200 тысячъ рублей, воздвигнутая на деньги «отдыхающихъ» въ «*Каллику*».

А отдохновеніе здѣсь стоило недешевое вслѣдствіе молодости, такъ сказать, театра, и поитіе обѣ искусства — весьма невысокое; въ особенности, музыкальный вкусъ стоить на очень низменной ступени развитія. Правда, здѣсь былъ кружокъ любителей музыки, но распался; напиримѣрн на одномъ изъ любительскихъ концертовъ, дамы мѣстнаго beau monde исполнили, въ залѣ Морскаго Собранія, бульварно-привуазную пѣсню «*Маргариту*», по-итальянски и съ соответствующими тѣлодвиженіями... Вообще страсть къ любительскимъ спектаклямъ во Владивостокѣ (главнымъ образомъ зимой) нзумительно-свирѣпая: играютъ въ Морскомъ Собраніи (гдѣ единственное во городѣ прекрасное концертное зало со сценой на 700 чел.) съ антрепренерской акуратностью разъ или два въ недѣлю, — играютъ въ Военномъ Собраніи, въ клубѣ приказниковъ, играютъ дамы-патронессы, играютъ любители-малороссы, играютъ акушерки и учителя, играютъ дома, у мѣстныхъ аристокра-

*) См. №№ 27 и 28.

говь, играютъ, наконецъ, солдаты (лучше всѣхъ любители). Бывало такъ, что на педѣль—кладный день—спектакль!.. Театра, собственно нѣтъ, но есть театральныя залы при гостиницѣ „Золотой Рогъ“ съ маленькой, пудобной сценой, отсутствиемъ резонанса, мѣстъ около 500, наибольшій сборъ руб. въ 1000; галерея крошечная, хотя однихъ матросовъ съ кораблей отпускаютъ иногда человѣкъ 800. И вотъ, такое-то зало въ рукахъ арендаторовъ буфетчиковъ гостиницы, которые выжимаютъ всѣ соки изъ артистовъ и публики, чтобы набить свой карманъ. До Геркусовыхъ столбовъ дошелъ въ этомъ отношеніи трагикъ, пріѣхавшій пиццимъ во Владивостокъ и черезъ два года увезшій 25 т. руб.; онъ бралъ 15% съ валового сбора за театральное помѣщеніе, писалъ небывалые счета посетителямъ буфета, штрафовалъ походы прислугу, особенно, несчастныхъ безотвѣтныхъ китайскихъ мальчиковъ, на каждомъ шагу всѣхъ обесцѣвлялъ и уѣхалъ въ Россію достаточно богатымъ человекомъ. Главный сезонъ лѣтній, потомъ осенній—май, июнь, июль, августъ, сентябрь, октябрь; за это время можно взять 30 т. руб. Остальные мѣсяцы гораздо хуже, но существовать, все-таки, возможно. Репертуаръ долженъ быть легкій и веселый; фарсы, пустыя комедіи съ уморительными шти про quo, самыя разудалыя оперетки... Побольше красивыхъ, хотя со скромными способностями, но смѣлыхъ актрисъ, развитой комикъ, который бы на каждомъ шагу выкидывалъ грубую комическую старуху и т. п. Да, Владивостокъ сильно нуждается въ театральномъ помѣщеніи, а театра нѣтъ! Былъ предприниматель, предлагавшій выстроить на свой счетъ временное театральное зданіе, но дума, послѣ многократныхъ разсмотрѣній этого вопроса, постановила циничнѣйшимъ условіемъ, чтобъ было электрическое освѣщеніе, на что тотъ согласиться не могъ, такъ какъ оно стоило бы липшихъ тысячъ восемь. И дѣло разошлось.

Вл. Тальцати.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Провинціальная лѣтопись.

(Отъ нашихъ корреспондентовъ).

РОСТОВЪ-НА-ДОНУ. Сезонъ идетъ обычнымъ чередомъ. Изъ приличныхъ развлеченій и зрѣлищъ въ настоящее время, за исключеніемъ викторовскаго театра, въ городѣ нѣтъ ничего. Несмотря на это, труппа не можетъ похвастаться хорошими дѣлами. Публика вяло посѣщаетъ театръ и сборы среднимъ числомъ составляютъ около 100 рублей. Гастроли г. Шувалова, о которыхъ мы уже писали въ нашемъ журналѣ, слегка только поправили дѣла театра и къ сожалѣнію, на очень непродолжительное время. Теперь все идетъ по старому. Ставятся «Вторая молодость», «Столичный воздухъ», «Соколы и вороны», а иногда репертуаръ обновляется такими пьесами, какъ «Катастрофа», «Принцесса Греза», «Фромонъ и Рислеръ», «Злая яма». Въ бенефисъ артиста Владимірова шла также новинка—«Отверженные», драма, передѣланная О. К. Нотвичемъ изъ романа Виктора Гюго. Пьеса къ сожалѣнію, вслѣдствіе множества курьезъ, большинствомъ публики не была понята какъ слѣдуетъ. Удовлетворительнымъ исполнителемъ роли Вальжана явился самъ бенефициантъ, да пожалуй, не дурень былъ г. Богдановъ, игравшій судью. Послѣднему слѣдуетъ поставить на видъ, что въ сценѣ судопроизводства онъ слишкомъ много жестукировалъ, что идетъ въ разрѣзъ съ характеромъ исполняемаго лица. Склонность къ чрезмѣрной жестукиляціи во всякомъ случаѣ не принадлежность судьи, натуры уравновѣшенной и спокойной.

Не лучше «Отверженныхъ» прошли и остальные пьесы, отмѣченныя выше. «Катастрофа» была сыграна положительно безцвѣтно. Всѣ двадцать по сценѣ одинаково—монотонно и ниско не выдѣлился исполненіемъ. На этотъ разъ и г. Владиміровъ лучшей въ труппѣ артисткой, игравшей Тирольскаго, былъ слабѣе. Только одинъ моментъ, изступленіе Тирольскаго въ послѣднемъ актѣ послѣ совершенія убійства, удался артисту. Случая была г-жа Деборнъ въ роли Ольги Сергѣевны. У г-жи Деборнъ нѣтъ главнаго—груднаго голоса, которому болѣе доступно выраженіе душевныхъ эмоций, чѣмъ голосу горлового отъѣвца; не хватаетъ и осмысленности. Въ особен-

ности это было замѣтно въ роли Магды. Магду слѣдуетъ играть *lege artis*. Въ пластическихъ роляхъ вроде Трильби и Ниобенъ г-жа Деборнъ имѣла большой успѣхъ, хотя движенія и манеры сильно вредили игрѣ. Впрочемъ, «Трильби» и «Ниобенъ» построены на грубыхъ эффектахъ. Что касается драматической скачки «Ростана» «La Princesse lointaine», то «дальнюю принцессу», пожалуй, не мѣшало бы подальше упритить. Г. Боровскій (рыцарь), г. Владиміровъ (принцъ Жофруа) играли весьма слабо. Вообще, и исполненіе, и обстановка были таковы, что на этомъ фронтѣ никакъ нельзя было себѣ представить поэтическую сказку о «дальней свѣтлоюй, вѣжной принцессѣ» и любви къ ней мечтательнаго принца.

Не лучше идутъ и пьесы Островскаго, наиримѣръ, «Безприданница». Этой прекрасной комедіи нельзя отказать во многихъ достоинствахъ. Мариса, въ изображеніи г-жи Отрадиной, не достаточно воспользовалась матеріаломъ данной роли. Мы не говоримъ о цѣломъ рядѣ мелкихъ недостатковъ. Въ игрѣ артистки бросаются въ глаза отсутствіе какой-бы то ни было школы и плохая рѣчь съ повышеніемъ тона въ концѣ каждого періода. Мѣшаетъ, разумеется, и рутинная, которая иногда выкупается темпераментомъ. Полезной артисткой на небольшой роли является г-жа Ленская. Она опытна, и если не талантлива, зато не претендуетъ на лауры первоклассной артистки и скромно дѣлаетъ свое дѣло. Нельзя того-же сказать о г. Яковлевѣ, занимающемъ амплу режиссера.

Р. Соколовъ.

КАМЕНЕЦЪ-ПОДОЛЬСКЪ. Подвизавшаяся въ теченіи истекшаго сезона въ нашемъ городскомъ театрѣ труппа оперныхъ и опереточныхъ артистовъ подъ управленіемъ извѣстнаго провинціального антрепера Н. А. Борисова въ матеріальномъ отношеніи имѣла колоссальный успѣхъ. За сезонъ выручено 23,000 руб. Сезонъ прямо небывалый въ Каменцѣ, гдѣ обыкновенно валовая цифра колебалась между 11—13 тысячами. Главнымъ образомъ, давались опереточные спектакли. Изъ новинокъ, невиданныхъ еще въ Каменцѣ до минувшаго сезона, назовемъ слѣдующія оперетки: «Сень-Сиръ», «Синь-Нонъ», «Секретъ сатаны», «Легучая мышь», «Рудокопъ», «Бабочка», «Дочь Тамбури-Маждар», «Канорская принцесса» и «Бельвилльская дѣва» (послѣдній спектакль). Изъ оперъ поставлены были «Травиата» (2 раза), «Паяцы» (2 раза), «Альсиса» (3 раза), «Арменъ» (1 разъ), «Трубадуръ» (1 разъ), «Фаустъ» (3 раза) и «Сельская честь» (2 раза). Самый большой успѣхъ имѣли у насъ «Травиата», «Паяцы» и «Сельская честь», поставленная почти наканунѣ конца сезона въ бенефисъ дирижера г. Демидовича и «Фаустъ». Слѣдуетъ констатировать тотъ фактъ, что всѣ вышеозначенныя оперы при повтореніи давали превосходные сборы, что краснорѣчиво доказываетъ потребность нашей публики въ серьезной музыкѣ. Шла у насъ еще не одна, а цѣлыхъ три раза опера (?) «Клятва въ храмѣ», музыка какого то неаждомага доселѣ Люстгартена, она дала отличные сборы, но я приписываю это совершенно исключительнымъ обстоятельствамъ, здѣсь либреттистъ воспользовался и (нужно правду сказать) довольно неумѣло очень благодарной легендой изъ Талмуда, а музыка болѣе усыпила мотивами чисто національнаго колорита. Еврейскій танецъ «Фрейлусъ» вызывалъ прямо неогнисимый восторгъ еврейской публики, по преимуществу слушавшей эту «quasi» оперу.

Къ великому сожалѣнію драмъ и комедій у насъ не было отведено болѣе, чѣмъ скромное мѣсто. Всего было поставлено восемь (изъ 100 спектаклей) драматическихъ спектаклей: «Безъ вины виноватые», «Миюриса», «Ничіе духовъ», «Бѣдность не порокъ», «Женитьба», «Черезъ край», «Въ родственныхъ обятіяхъ», «Первая муха», «Испорченная жизнь» и водевилъ «Ямничникъ» и «Секретное предписаніе». Всѣ драматическіе спектакли, несмотря на прекрасное исполненіе шло у насъ при совершенно почти пустомъ театрѣ.

Совершенно неожиданно возникъ у насъ вопросъ о постройкѣ лѣтняго театра въ новомъ городскомъ саду. Вопросъ этотъ возникъ по предложенію драматическаго артиста А. Б. Половцева, которое и разсматривалось въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій нашей городской думы. Какъ видно изъ доклада управы, сущность предложенныхъ г. Половцевымъ кондицій сводится къ слѣдующему: а) г. Половцевъ соорудитъ по своей счетѣ лѣтній театръ и по проектированному плану постройка будетъ отвѣчать всѣмъ требованіямъ архитектуры; б) городъ долженъ освѣщать городской бульваръ, имѣть определенное количество сторожей и т. п.; в) г. Половцевъ долженъ въ театрѣ давать исключительныя оперныя, опереточныя и драматическіе спектакли, но ни подъ какимъ видомъ не имѣть права давать представляющія цирковаго или шансонетнаго характера; д) театръ эксплуатируется безвозмездно г. Половцевымъ въ теченіи восьми лѣтъ, послѣ чего онъ поступаетъ въ полную собственность города. Дума въ принципѣ приняла предложеніе г. Половцева поручила управѣ составить подробныя кондиціи.

С. И. Го—манъ.

ЕНАТЕРИНОДАРЪ. Намъ доставлены отчетъ о сезонѣ драматическаго товарищества въ г. Енатеринодарѣ. Составъ труппы: г-жи Рыбницкая, Воронина, Нефрова, Айвазовская, Мостра, Волкова, Хохлова, Лѣсновская, Попова; гг. Соколовъ

скій, Михайловъ, Ильковъ, Вольскій, Дьяконовъ, Акимовъ, Карминъ, Петровъ, Шапошниковъ, Нолень, Эльской Суфлеръ Валентъ, помощн. режиссера Васильевъ, декораторъ Лебеллинскій. Сезонъ съ 20 апр. по 1 июля 1897 г.

ОТЧЕТЪ.

Валовой сборъ	13,693 р. 32 к.
РАСХОДЪ.	
Аренда театра	2,042 » — »
Жалованья служащимъ	2,124 » 40 »
Освѣщеніе сада, театра и уборныхъ	609 » 50 »
Афиши и программы	505 » 75 »
Авторскихъ	386 » — »
Прокатъ библиотекы и переписка ролей	97 » 43 »
Оркестръ	474 » 40 »
Издѣлено товарищамъ (по 81,9 к. на руб.)	6,052 » 46 »
Издано нильже beneficенныхъ	356 » 96 »
Благотворительнымъ обществамъ	382 » 49 »
За демонстрированіе синемаатографа	117 » 91 »
Полицейскій парадъ	74 » 50 »
Прокатъ мебели для сцены	132 » 50 »
Предварительные расходы по составленію труппы	57 » 33 »
Разные расходы (устройство гуляній, костюмы, реквизитъ, бутафорія и мелочные расходы	341 » 66 »
Итого	13,693 р. 32 к.

РЕВЕЛЬ. Здѣшнее товарищество подъ управленіемъ артистки Мариной Морской дѣлаетъ у насъ недурные сборы, хотя легкія несогласія между товарищами и даютъ себя чувствовать на репертуарѣ. Довольно прочныя симпатіи нашей публики приобрѣли артисты: Г-жи Марина - Морская, Ивина и г. Невѣровъ. Отмѣтимъ удачный спектакль «Женитба Бѣлугина», въ которомъ какъ г-жа Ивина (Елена), такъ и г. Невѣровъ (молодой Бѣлугинъ) выказали дарованіе и серьезное отношеніе къ дѣлу.

ОДЕССА. Спектакли русской оперы съ участіемъ гг. Фигнеръ и Яковлева дали 24,270 руб. Въ среднемъ на спектакль (всего 10) пришлось по 2,427 р.

НИЖНИЙ-НОВГОРОДЪ. Открытіе большого ярмарочнаго театра въ Нижнемъ-Новгородѣ состоится, 22-го іюля. На ярмарочный сезонъ приглашено товарищество русскихъ оперныхъ артистовъ подъ управленіемъ гг. Любина и Салтыкова. Оперный сезонъ откроется «Жизнью за Царя». Въ представленіяхъ товарищества примутъ слѣдующіе гастролеры: г-жа и г. Фигнеръ, Яковлевъ и Клементьевъ.

Предполагавшее открытіе къ этой ярмаркѣ народнаго театра втянулось вслѣдствіе разногласій между г. Соболевскимъ и администраціей ярмарки.

ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ. Театръ г. Любимова послѣ продолжительнаго антракта снова открылъ свои двери. Подвизающаяся въ немъ опереточная труппа дѣлаетъ пока хорошіе сборы. Изъ артистовъ слѣдуетъ отмѣтить г-жу Роляндъ, гг. Семенова-Самарскаго и Михайлова-Стоянова, довольно изысканнаго провинціальнаго тенора. Остальной составъ приличенъ. Мы посоветовали-бы только въ некоторымъ артистамъ быть сдержаннѣе въ игрѣ и не превращать сцену въ цирковую арену.

В. А.

Справочный отдѣлъ.

Н. М. Соколовъ—суфлеръ предлагаетъ услуги на предстоящій зимній сезонъ, въ товарищество или антрепризу, условія по соглашенію. Опытное знаніе дѣла. Адресъ: г. Бѣлевъ, Тульской губ. Театръ.

Изъ г. Бѣлевъ, Тульск. губ., приглашаются въ товарищество:

- 1) драмат. инженеру;
 - 2) водевилляна съ голосомъ;
 - 3) второй любовникъ (съ условіемъ играть нѣкоторыя первыя);
 - 4) простака;
 - 5) помощн. режиссера;
 - 6) актеръ на небольшие роли.
- (Вечеровой расходъ не болѣе 25-ти руб.).

Адресъ: г. Бѣлевъ, Тульск. губ., г. Максимова. Городской театр.

Редакторъ А. Р. Кугель.

Дозв. цензурою. С.-Петербургъ, 10 Іюля 1897 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1-го іюля выпущена и разослана подписчикамъ первая книга иллюстрированнаго ежемѣсячнаго изданія

„Новый журналъ Иностранной Литературы“

ИСКУССТВА и НАУКИ.

(Болѣе ста иллюстрацій)

Содержаніе: статьи съ иллюстраціями: I. Отъ редакціи (съ 3 вишнетками). — II. О современномъ чтеніи (въѣсто предисловія) (съ тремя вишнетками). — III. Къ юбилею королевы Викторіи (съ 7 иллюстраціями) — IV. Византійская эпопея (съ 6 иллюстраціями) — Въ нѣмъ битвы. Очеркъ Поля Бурже (съ портретомъ Бурже и 2 вишнетками). — V. Сюзонниси и французскія дамы въ 1894 г. (съ 4 иллюстраціями). — VI. Апатозъ Франсъ и его книга „Подъ старымъ кленомъ“ (съ портретомъ А. Франса, 2 иллюстр. и 3 вишнетками). — VII. Къ сѣверному полюсу на воздушномъ шварѣ (съ портретами Андро. Безансона, Эрмита и 2 иллюстр.). — IX Французскіе романы въ Россіи (съ рис. Робида и 2 вишнетками). — X. Въ странѣ бѣлаго слона (съ 4 иллюстр.). — XI Японскія красота въ портретахъ знаменитыхъ художниковъ (съ вишнеткой). — XII. Феликсъ Форъ (съ портретомъ и 3 иллюстр.). — XIII. Дачная жизнь прежде и теперь. Ст. Грантъ Картре (съ 6 иллюстр.). — XIV. Японскіе букеты (съ 4 иллюстр.). — XV. Изъ Уланда: Вертрагъ де Ворпъ. Романецъ В. С. Михачева.

Иллюстрированная заграничная хроника (болѣе 40 иллюстрацій). „На современныя темы“ (Стоктопльмъ и Скалдинская выставка. — Грандіозная мистификація. — Новѣйшіе послѣдователи магии. — Царство распущенности. „Chat noir“ и воспоминанія Сарса. — Закулисная табула берлинской полиціи. — Жрица Талин — побѣдительница на скачкахъ. — Ваканціи для бѣдныхъ дѣтей въ Дауи. — „Изъ прошлаго“ (Воманре и его вѣкъ). — Литературныя новости (Новый англійскій поэтъ. — Альфредъ де Виньи. — Жераръ де Нерваль). — „Художественныя новости“ (Художественныя выставки въ Парижѣ, Лондонѣ и Венеціи). — „Научная хроника“ (Ацетиленъ. — Газометръ „Кауципъ“. — Свѣтильный газъ „Вириса“. — Холодный электрическій свѣтъ. — Свѣтъ будущаго. — Машина для алгебраическихъ уривленій. — Мисуровскія изображенія. — Знаменитый изобрѣтатель XVII вѣка). — „Изъ артистическаго міра“ (Франческо Таманьо. — Элеонора Дузо. — Шарлотта Валгтеръ). — „Изъ иностранной журналистики (Вуржуазіал или современная цивилизація? — Поправки къ биографіи С. В. Ковалевской. — Современные индѣйскіе чудодѣи). — „Мелочи“ (Цѣль маргаритокъ).

РОМАНЫ, ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ. — Отъ редакціи.

Избранныя произведенія Дидро (съ портретомъ и биографическимъ очеркомъ Дидро). Очерки и парадоксы Дидро: Не сказки, а быль. — Два друга. — Бесѣда отца съ дѣтьми или объ опасности ставить свое сужденіе выше закона. — Сѣтованія о старомъ халатѣ. — Отрывки и анекдоты: Монтескъ и Честерфильдъ. — Польза путешествій. — Секретъ маршала. — „Портретъ Дидро“ Мишеля Ватлоо. — Уважасмыя люди.

Дѣтство ирестьянина. Провансальскіе очерки Батисто Воннэ. Съ предисловіемъ Альфонса Додэ. Пранская колдунья. Фантастическій романъ Марионъ Крауфорда.

Незнаестія исторіи. Разказы Густава Шварцкоффа. (Мужъ интимности. — „Безъ сердца“).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ 1-го іюля 1897 г. по 1-е января 1898 г.

Безъ доставки **2 р. 50 к.**, съ доставкой и пересылкой **3 р.**

Подписка принимается въ главной конторѣ „Новаго журнала Иностранной Литературы“—С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., д. 3 и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ (Невскій, 38) и Вольфа (Гостиный дворъ, № 18). Иногородніе благоволятъ адресоваться въ редакцію „Новаго журнала Иностранной Литературы“ (С.-Петербургъ, Кошюгвардейскій бульваръ, 13).

Редакторъ-Издатель *О. И. Бугаковъ.*

(1—1)

Ред.-Изд. З. Тимоеева (Холмская).

Типографія Я. И. Либермана. Фонтанка, 86.